Артур
Конан Дойл

Знак четырёх

Издательский
Дом
Мещерякова

Знак четырех
Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойл. Знак четырёх
Глава I. Суть дедуктивного метода Холмса
Глава II. Мы знакомимся с делом
Глава III. В поисках решения
Глава IV. История человечка с лысиной
Глава V. Трагедия в Пондишери-Лодж
Глава VI. Шерлок Холмс демонстрирует свой метод
Глава VII. Эпизод с бочкой
Глава VIII. Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит
Глава IX. Разрыв в цепи
Глава X. Конец островитянина
Глава XI. Сокровища Агры
Глава XII. История Джонатана Смолла

Аннотация

Вторая книга серии – «Знак четырёх» с классическими иллюстрациями Рихарда Гутшмидта и акварельными зарисовками Наталии Михальчук.

Шерлок Холмс и доктор Ватсон продолжают успешно расследовать преступления. Молодая женщина обращается за помощью к Шерлоку Холмсу – шесть лет подряд она получает посылку с невероятно красивой жемчужиной. Поиск приводит к утерянным сокровищам, принадлежавшим когда-то правителю Агры.

Артур Конан Дойл
Знак четырёх

© М. Д. Литвинова, наследники, перевод, 2017
© Н. А. Михальчук, иллюстрации, 2017
© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2017

Глава I
Суть дедуктивного метода Холмса

Шерлок Холмс взял с камина пузырёк и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещрённую бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворённо вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днём чувствовал всё большее раздражение и мучился, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие поползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я робел, и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в порыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Холмса, я не выдержал и взорвался.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс лениво отвёл глаза от старой книги с готическим шрифтом.

— Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Благодарю покорно! — отрезал я. — Мой организм ещё не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

— Возможно, вы правы, Ватсон, — сказал он. — И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

— Но подумайте, — горячо воскликнул я, — какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я

говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

— Мой мозг, — сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, — бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряжённой деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал её, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

— Единственный на весь мир частный детектив? — спросил я, поднимая брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Шерлок Холмс. — Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю своё мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удаётся распутать дело, моё имя не

фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Ватсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

— Да, помню, — ответил я, смягчаясь. — Интереснейший случай. Я даже написал о нём нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

— Я видел вашу повесть, — без энтузиазма покачал головой Холмс. — И, должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления — точная наука, по крайней мере, должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это всё равно, что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю.

— Но там действительно была романтическая история! — запротестовал я. — Я просто строго придерживался фактов.

— Кое о чём можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, — цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова — ведь я описал дело Холмса, чтобы сделать ему приятное. И ещё меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нём некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

— С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте, — сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую эпиковую трубку. — На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции. Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завещания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил Виллару два

подобных случая: один расследовался в 1857 году в Риге, другой — в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил, пестрел словами: magnifique, coup-de-maitre и tour de force[1], свидетельствующими о горячем восхищении француза.

— Он пишет вам, как ученик учителю, — сказал я.

— Он переоценивает мою помощь, — заметил Холмс безразлично. — Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трёх качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока ещё не хватает знаний, но со временем и это придёт. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

— А вы разве пишете?

— Есть грех, — рассмеялся Холмс. — Я написал несколько небольших работ. Одна из них, под названием «Определение сортов табака по

---

[1] Примечания: 1

Великолепно, мастерски, гениально (*фр.*).

пеплу», описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между чёрным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

— У вас поразительная способность замечать мелочи, — сказал я.

— Просто я понимаю их важность. Или вот ещё работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в нём даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу,

что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

— Нисколько! — горячо запротестовал я. — Мне всё это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это — почти одно и то же.

— Нет, это разные вещи, — ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. — Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

— Поразительно! — воскликнул я. — Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашёл на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

— Проще простого, — улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. — Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения.

Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путём.

— А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

— Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я всё утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не затем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте всё, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

— Действительно, всё очень просто, — сказал я, помолчав. — Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьёзному испытанию.

— Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

— Я помню, вы говорили, что, когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остаётся отпечаток личности её владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разглядывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, щёлкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

— Почти ничего нельзя сказать, — проговорил он. — Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишён возможности утверждать что-нибудь наверняка.

— Вы правы, — ответил я. — Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищеным часам?

— Хотя я и не могу похвастаться результатами, но всё-таки я в них кое-что увидел, — сказал он, устремив в потолок отрешённый взгляд. — Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Ватсон. Так вот, часы, по-моему, принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. В.», выгравированные на крышке?

— Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «В», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

— Да, пока всё правильно, — заметил я. — А что ещё вы увидели в этих часах?

— Ваш брат был человек очень беспорядочный,

легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он всё промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и всё, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромая, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что всё это рассказали вам какие-то старые часы! Это жестоко и, уж если на то пошло, отдаёт шарлатанством!

— Мой дорогой Ватсон, — сказал мягко Холмс, — простите меня, ради бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

— Тогда объясните мне, как вы всё это узнали. Ваш рассказ о моём брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

— Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так всё и было.

— Но это не просто догадка?

— Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует гибельно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод — что вашему брату была несвойственна аккуратность. Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твёрдым, например ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было немаленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

— В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иглой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырёх таких номеров. Вывод — ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод — время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, — это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвёрдая рука. Что же во всём этом чудесного и таинственного?

— Да, теперь и я вижу, что всё очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряжённой умственной работы. Исчезает

цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадёжен мир! Посмотрите, как жёлтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

— Вас спрашивает молодая девушка, сэр, — обратилась хозяйка к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — ответил он. — Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

Глава II
Мы знакомимся с делом

Мисс Морстен вошла в комнату лёгким, уверенным шагом, держась спокойно и непринуждённо. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в её одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стеснённых обстоятельствах. На ней было платье из тёмно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое пёрышко сбоку. Лицо её было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворённостью и добротой. На своём веку я встречал женщин трёх континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на стул, который Холмс предложил ей, я заметил, что руки и губы её дрожат, видимо от сильного

внутреннего волнения.

— Я пришла именно к вам, мистер Холмс, — начала наша гостья, — потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

— Миссис Сесил Форрестер? — повторил задумчиво Холмс. — Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

— Миссис Форрестер о нём другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потёр руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперёд на своём кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряжённого внимания.

— Изложите ваше дело, — сказал он сухим, деловым тоном.

Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

— С вашего позволения, я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затянутую в перчатку руку.

— Если ваш друг останется, — сказала она, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

— Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждёт меня. Каждое слово в телеграмме — я очень хорошо помню её — дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен действительно остановился у них, но что накануне вечером он ушёл куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С

того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моём несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого… — Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдавленное рыдание оборвало на полуслове фразу.

— Когда это случилось? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— А его вещи?

Rich. Gulschmidt.
München
Brendämour, Simnart & Co.

— Они остались в гостинице. В них не было ничего, что помогло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещиц с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, нёсшей охрану тюрьмы.

— Были ли у него в Лондоне друзья?

— Я знала только одного — майора Шолто. Они служили вместе в Тридцать четвёртом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слыхал о возвращении своего друга.

— Очень странное дело, — заметил Холмс.

— Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймсе» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в её интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку — небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой даже самой маленькой записки, объ-

ясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день я получала по почте точно такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания, кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

— Очень интересно, — проговорил Шерлок Холмс. — А не произошло ли с вами ещё чего-нибудь?

— Да, не далее как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

— Спасибо, — сказал Холмс, беря письмо. — И конверт, пожалуйста. На штемпеле — Лондон, Юго-Запад, 7 июля. Гм! В углу — отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр „Лицеум“. Если вы боитесь, возьмите с собой двоих друзей. С ва-

ми поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, всё рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

— Это как раз я и хотела у вас спросить.

— Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем, куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Ватсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Ватсоном уже не раз работали вместе.

— А доктор Ватсон согласится пойти? — спросила мисс Морстен, и я услыхал в её голосе чуть ли не мольбу.

— Почту за честь и особое счастье, — сказал я горячо, — если смогу быть вам полезен!

— Вы оба так добры ко мне, — ответила мисс Морстен. — Я живу очень уединённо, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

— Только не опаздывайте, — ответил Холмс. — У меня к вам ещё один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

— Они у меня с собой, — ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов обёрточной бумаги.

— Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну, посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

— Почерк везде, кроме письма, изменён, — сказал он вскоре. — Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите, «e» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

— Никакого.

— Я так и думал. Так, значит, мы ждём вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я ещё подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвёртого. До свидания.

— До свидания, — ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла. Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась

лёгким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое пёрышко не затерялись в серой толпе.

— Какая очаровательная девушка! — воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжёг свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Очаровательная? — переспросил он апатично. — Я не заметил.

— Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! — воскликнул я. — Вы иногда просто поражаете меня!

Холмс мягко улыбнулся.

— Самое главное — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отравила их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но на сей раз…

— Я никогда не делаю исключений. Исключе-

ния опровергают правило. Послушайте, Ватсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

— Почерк разборчивый и правильный, — ответил я, — по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «a», а «l» за «e». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «k» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну, ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в моё отсутствие эту книгу — замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу — её улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила её жизнь. Ей было семнадцать лет, когда исчез её отец, значит,

сейчас ей двадцать семь — прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы — ничего больше. Если будущее моё черно, то лучше думать о нём с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцвечивать его пустой игрой воображения.

Глава III
В поисках решения

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлён, весел и бодр — так обычно сменялись его приступы чёрной меланхолии.

— В этом деле нет ничего загадочного, — сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил. — Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Вы уже нашли разгадку?!

— Ну, это ещё рано утверждать. Пока я нашёл одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое ещё предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймса», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в Тридцать четвёртом бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

— Вы, вероятно, Холмс, сочтёте меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

— Не видите? Вы поражаете меня, Ватсон. Ну ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в

Лондоне, кого он мог навестить, — майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год ещё один, потом ещё. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо. Это, безусловно, намёк на исчезновение её отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

— Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал своё письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же быть, что отец её жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

— Да, в этой истории есть ещё тёмные места, — задумчиво проговорил Холмс. — Но наша сегодняшняя поездка всё объяснит. А вот и мисс

Морстен. Слышите, подъехал кэб. Вы готовы? Тогда идёмте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьёзным.

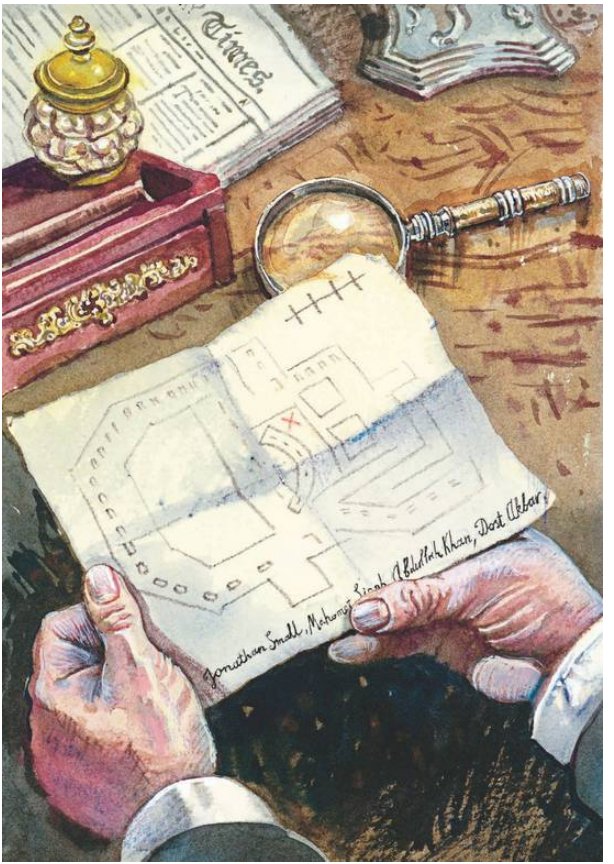
На мисс Морстен был тёмный плащ, её милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у неё тревоги, но самообладание её было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разгладил его у себя на

коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

— Бумага сделана в Индии, — сказал он. — Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нём набросан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полуистёршаяся надпись карандашом «3, 37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладины которых соприкасаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырёх — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.


Times
Jonathan Small, Mahomet Singh, Abdullah Khan, Dost Akbar

— Мы и нашли его в записной книжке.

— Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он ещё нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново всё обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряжённо думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными жёлтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблёскивающие круги. Освещённые окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света, — лиц печальных и радостных, угрюмых и весёлых, — мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа

привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек не впечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие подействовали мне на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой накрахмаленной грудью и женщины, закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны — назначенного места встречи, как от неё отделился низенький, смуглый, вертлявый человек в одежде кучера и подошёл к нам.

— Вы вместе с мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим насквозь взглядом.

— Простите меня, мисс, — сказал он настойчиво, — но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

— Даю вам слово, — спокойно ответила мисс Морстен.

Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвёл к нам стоявший на той стороне кэб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кэб с бешеной скоростью покатил сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя по обыкновению спокойно и сдержанно. Я пытался ободрить её рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путанны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я

рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуплетом уложил его из двуствольного тигрёнка. Сперва я ещё мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знанию Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шёпотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

— Рочестер-роуд, — говорил он. — А вот и Винсент-сквер. Выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Очевидно, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проёмах блестит вода.

И в самом деле, внизу блеснула тёмная вода Темзы, в которой отражаются зажжённые фонари, но вот кэб уже на другом берегу, мчится по запутанному лабиринту узких, извилистых улочек.

— Уондсуэрт-роуд, — говорит Холмс. — Прайори-роуд, Ларк-холл-лейн, Стокуэлл-плейс, Роберт-стрит, Коулд-харбор-лейн. А цель нашего путешествия лежит, кажется, не в фешенебельной части города.

Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещённые трактиры непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий — чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант.

Наконец кэб остановился у третьего дома совсем новой улицы. Ни один из соседних домов не был обитаем. Тот, у которого мы остановились, был такой же тёмный, как и соседние, не считая светлого окошка в кухне. Мы постучали, нам тотчас открыл слуга-индус в жёлтом тюрбане и белом свободном платье, подпоясанном жёлтым кушаком. Было странно видеть эту экзотическую фигуру в дверях третьеразрядного лондонского загородного дома.

— Сагиб ждёт вас, — сказал он, и в тот же миг из внутренних комнат послышался тонкий, пронзительный голос:

— Проведите их ко мне. Немедленно проведите их ко мне!

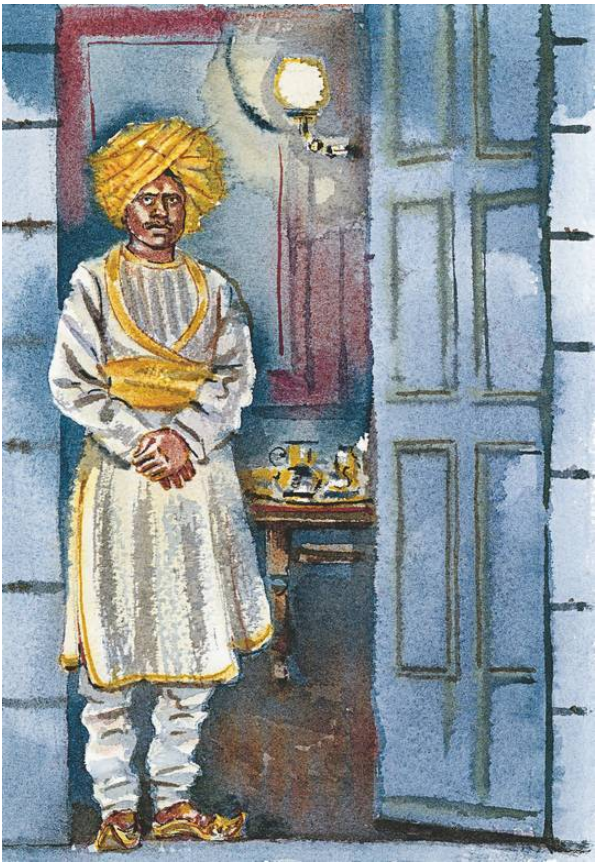
Глава IV
История человечка с лысиной

Мы последовали за индусом по скудно освещённому и почти пустому мрачному коридору. У двери справа он остановился и распахнул её настежь. В глаза нам ударил яркий жётый свет. Посреди комнаты стоял маленький человечек с вытянутой головой. Блестящую лысину, торчащую, как голая вершина горы в окружении сосен, обрамляли рыжие волосы. Он стоял, потирая руки, черты его лица находились в постоянном движении: он то улыбался, то хмурился, ни на минуту не оставаясь в покое. Природа наделила его отвислой нижней губой и выдающимися жёлтыми и неровными зубами, которые он безуспешно пытался прикрыть, то и дело поглаживая рукой нижнюю часть лица. Несмотря на столь заметную лысину, он производил впечатление молодого человека. Ему и было в действительности около тридцати лет.

— К вашим услугам, мисс Морстен, — повторял он тонким, высоким голосом. — К вашим услугам, господа. Прошу вас, входите в кабинет затворни-

ка. Как видите, мисс, мой кабинет мал, но зато я всё в нём устроил по собственному вкусу. Оазис искусства среди мерзости запустения Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас приглашал. В этом мрачном доме она походила на бриллиант чистой воды в медной оправе: на окнах шёлковые занавеси, гобелены, картины в тяжёлых рамах, восточные вазы. Ковёр на полу был в янтарных и чёрных тонах и такой толстый, пушистый и мягкий, что ноги утопали в нём по щиколотку, как во мху. Поверх ковра были брошены две большие тигровые шкуры, которые вместе с огромным кальяном, стоящим в углу на подстилке, создавали в комнате ощущение восточной роскоши. На почти невидимой золотой проволоке в центре комнаты висела серебряная лампа в виде голубя. Она горела, наполняя комнату тонким, лёгким ароматом.



— Мистер Таддеуш Шолто, — проговорил маленький человечек, всё так же дёргаясь и улыбаясь. — Так меня зовут. Вы, конечно, мисс Морстен. А эти джентльмены…

— Мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

— Доктор, а! — воскликнул человечек, явно обрадованный. — А у вас есть с собой стетоскоп? Можно ли попросить вас об одном одолжении? Не будете ли вы столь любезны? У меня, видите ли, существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Насчёт аорты я не беспокоюсь, но вот митральный клапан! Я бы хотел узнать ваше о нём мнение.

Я выслушал его сердце, но не нашёл никаких отклонений от нормы, если не считать того, что человечек был чем-то до полусмерти напуган — его трясло с головы до ног.

— Митральный клапан в порядке, — сказал я. — У вас нет причин тревожиться.

— Вы должны извинить мне мою тревогу, мисс Морстен, — галантно сказал человечек. — Я великий страдалец. И я уже давно подозреваю — с моим митральным клапаном что-то неладное. И счастлив слышать, что мои подозрения беспочвенны. Если бы, мисс Морстен, ваш отец щадил своё сердце, он был бы всё ещё жив.

Я чуть не дал ему пощёчину, так разозлил он меня своим грубым и бесцеремонным прикосновением к столь деликатному предмету. Мисс Морстен села, лицо её побледнело так, что даже губы стали белые.

— Я сердцем чувствовала, что моего отца нет в живых, — проговорила она.

— Я вам всё-всё объясню, — сказал человечек. — Больше того, я исправлю причинённую вам несправедливость. Я обязательно это сделаю, что бы ни говорил мой брат Бартоломью. Я очень рад видеть у себя ваших друзей не только как ваших телохранителей, но и как свидетелей всего, что я сегодня собираюсь сказать и сделать. Мы трое в состоянии оказать решительное сопротивление брату Бартоломью. Но пусть не будет свидетелей — ни полиции, ни понятых. Мы всё хорошо уладим между собой, не вмешивая никого постороннего. Ничто так сильно не может рассердить брата Бартоломью, как огласка, — сказал человечек и сел на низкую софу, вопросительно прищурив на нас свои близорукие, водянистые голубые глаза.

— Что касается меня, — сказал Шерлок Холмс, — то готов вас заверить: всё вами сказанное дальше меня не пойдёт.

Я в знак согласия кивнул.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно! Позвольте предложить вам рюмку кьянти, мисс Морстен, или, быть может, токайского? Других вин я не держу. Прикажете открыть бутылку? Нет? Тогда, я надеюсь, вы не станете возражать, если я закурю? Вас не обеспокоит табачный дым, лёгкий бальзамический аромат восточного табака? Я немного нервничаю, а мой кальян — несравненное успокаивающее средство.

Он приладил к большому сосуду трубку, и дым весело забулькал в розовой воде. Мы сидели полукругом, вытянув головы и уперев подбородки в ладони, а странный дёргающийся человечек с блестящей куполообразной лысиной сидел в центре и нервно курил кальян.

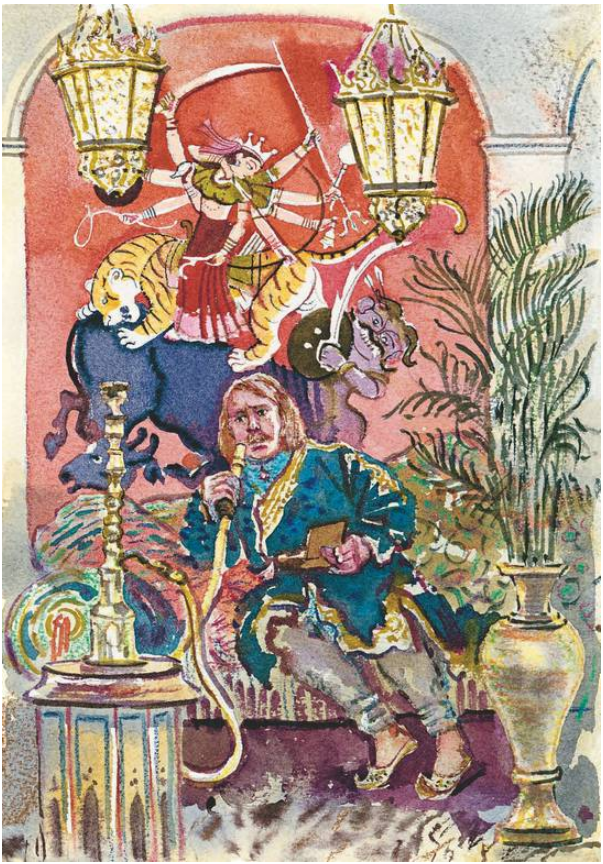
— Решив послать вам это приглашение, — сказал он наконец, — я мог бы, конечно, просто написать в письме мой адрес, но я побоялся, что вы оставите без внимания мою просьбу и пригласите с собой не тех людей. Поэтому я позволил себе назначить вам это свидание у театра с моим слугой Уильямом, которому полностью доверяю. Ему были даны инструкции, что, если он что-нибудь заподозрит, пусть едет домой один. Вы простите мне эту предосторожность, но я чело-

век, склонный к уединению и, если можно так сказать, утончённый, а ничего более прозаического, чем полиция, нет. У меня инстинктивное отвращение ко всяким проявлениям грубого материализма. Я редко вступаю в соприкосновение с чернью. Как видите, я живу окружённый самой изысканной обстановкой. Я могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Пейзаж на стене — подлинный Коро, и если знаток мог бы, пожалуй, оспаривать подлинность вот этого Сальватора Розы, то насчёт вон того Бугро не может быть и сомнения. Я поклонник современной французской школы.

— Простите меня, мистер Шолто, — сказала мисс Морстен, — я здесь по вашей просьбе, вы хотели что-то рассказать мне. Сейчас уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

— Но он всё-таки займёт у нас какое-то время, — ответил наш хозяин. — Ибо мы, без всякого сомненья, должны будем поехать в Норвуд к моему брату Бартоломью. Мы поедем все вместе и попытаемся одолеть его упрямство. Он очень сердит на меня за то, что я повёл дело так, как считаю наиболее справедливым. Вчера вечером мы с ним сильно поспорили. Вы не представля-

ете себе, каким ужасным бывает мой брат, когда сердится.



— Если нам предстоит ехать в Норвуд, так не лучше ли отправиться немедленно, — осмелился предложить я. Человечек рассмеялся так, что у него покраснели уши.

— Ну нет, это вряд ли получится! — воскликнул он. — Я не знаю, как мой брат воспримет ваш приезд. Поэтому я должен сперва приготовить вас, объяснить, в каких мы стоим отношениях друг к другу. Прежде всего я должен заметить, что в этой истории имеются моменты, которые для меня самого остаются тайной. Стало быть, я вам расскажу не всё, а только то, что известно мне самому.

Мой отец, как вы уже догадались, — майор Джон Шолто, служивший некогда в Индии в колониальных войсках. Одиннадцать лет назад он подал в отставку, вернулся в Англию и поселился в усадьбе Пондишери-Лодж в Аппер-Норвуде. В Индии он разбогател и вернулся домой с богатой коллекцией восточных редкостей и целым штатом туземных слуг. Таким образом, он смог купить себе дом и зажил, окружённый роскошью. Других детей, кроме меня и моего брата-близнеца Бартоломью, у него не было.

Я очень хорошо помню, какие чувства вызвало у нас исчезновение капитана Морстена. О том,

что он исчез, мы узнали из газет, а так как капитан Морстен был другом нашего отца, мы с братом обсуждали происшествие в его присутствии. Он обычно присоединялся к нам и гадал, что же в действительности произошло. Мы ни на один миг не подозревали, что тайна исчезновения капитана похоронена в его груди, что из всех людей ему одному была известна судьба Артура Морстена.

Но мы, однако, знали, что какая-то тайна тяготеет над нашим отцом, какая-то несомненная опасность угрожает ему. Он очень боялся выходить один и в качестве привратников в Пондишери-Лодж всегда держал бывших профессиональных боксёров. Уильям, который привёз вас сегодня, один из них. Он был когда-то чемпионом Англии в лёгком весе. Наш отец никогда не говорил нам, чего он боится. Но из его поведения было ясно, что он смертельно боится людей на деревянной ноге. Однажды он выстрелил из пистолета в человека на деревяшке, который оказался всего-навсего безобидным торговцем; чтобы замять дело, отцу пришлось заплатить большие деньги. Мы с братом склонны были считать это простой причудой отца, но последующие события заставили нас изменить мнение.

Rich. Guth. Schmidt
München

В начале 1882 года мой отец получил из Индии письмо, которое как громом поразило его. Он чуть не лишился сознания, когда распечатал его утром за завтраком, и с того дня до самой смерти он так и не оправился. Что было в том письме, мы так никогда и не узнали, но, когда он держал его, я успел заметить, что это была скорее коротенькая записка, кое-как нацарапанная. Наш отец уже много лет страдал хронической нервной болезнью. Теперь же состояние его резко ухудшилось, он стал на глазах слабеть, и в конце апреля врачи предупредили нас, что надежды на выздоровление нет. Нас позвали к отцу, он хотел сказать нам своё последнее слово.

Когда мы вошли в комнату, отец сидел на постели в подушках и тяжело дышал. Он попросил нас запереть дверь на замок и подойти к его постели с обеих сторон. Взяв нас обоих за руки, он заговорил голосом, надломленным волнением и болью, и мы с братом услыхали поразительное признание, которое я попытаюсь воспроизвести дословно.

«Есть только одно, — начал он, — что тяготит мою душу в эту торжественную минуту. Это несправедливость, которую я допустил по отношению к бедной сироте — дочери Морстена.

Проклятая жадность, которая была неотступным пороком всю мою жизнь, лишила её сокровищ, по крайней мере той их части, которая по справедливости принадлежит ей. Но и я сам ни на что не употребил их, так слепа и глупа алчность. Самое чувство владения сокровищами так было приятно мне, что я не мог ни с кем поделить их. Видите жемчужные чётки рядом с пузырьком хины? Даже с ними я не могу расстаться, хотя я и вынул их специально, чтобы послать ей. Вы, мои сыновья, должны будете отдать принадлежащую ей часть сокровищ Агры. Но ничего не отдавайте, даже эти чётки, пока не закроете мне глаза. Ведь бывало, что человек стоит одной ногой в могиле и всё-таки остаётся жив.

Я расскажу вам, как умер Морстен, — продолжал он. — Много лет он страдал болезнью сердца, но скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним благодаря удивительному стечению обстоятельств стали обладателями огромного богатства, которое я, выйдя в отставку, увёз в Англию. Скоро вернулся в Англию и Морстен и в день возвращения явился ко мне за своей долей. Со станции он пришёл в Пондишери-Лодж пешком, его впустил мой преданный слуга старик Лал Човдар, которого уже нет в живых. У нас с

Морстеном вышла ссора из-за того, как поделить сокровища. Морстен в приступе ярости вскочил со стула, лицо у него вдруг почернело, он прижал руку к сердцу, упал навзничь, ударившись головой об угол ларца, в котором хранились сокровища. Когда я нагнулся над ним, то, к ужасу своему, обнаружил, что он мёртв.

Долгое время я оставался в растерянности, не зная, что делать. Первым моим побуждением было, конечно, позвать на помощь, но я понимал, что имеются все основания подозревать меня в убийстве. Смерть в момент ссоры, глубокая рана на голове — всё это было против меня. К тому же официальное расследование неминуемо занялось бы сокровищами, а у меня были веские основания никого не посвящать в их тайну. Морстен сказал мне, что ни одна душа на свете не знает, куда он поехал. И я стал склоняться к мысли, что нет надобности, чтобы хоть одна душа узнала это.

Я всё ещё пребывал в полной растерянности, как вдруг, подняв голову, увидел в дверях моего слугу Лал Човдара. Он неслышно скользнул в комнату и запер за собой дверь.

— Не бойтесь, сагиб, — сказал он. — Никто не узнает, что вы убили его. Спрячем его подальше

— и концы в воду.

— Но я не убивал! — запротестовал я.

— Я всё слышал, — улыбаясь, покачал головой Лал Човдар. — Я слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но на губах моих печать молчания. Все в доме спят. Давайте вместе унесём его.

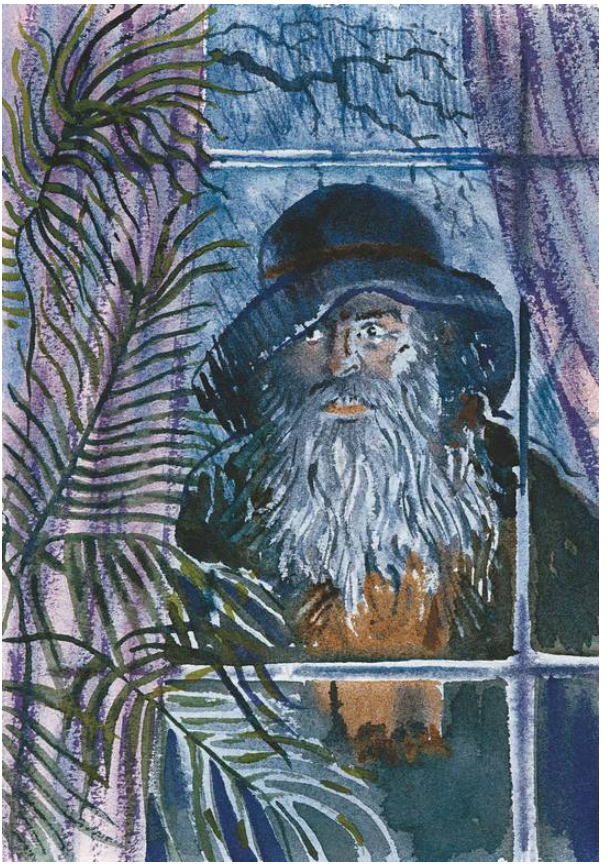
И я решился. Если мой собственный слуга не верит мне, как можно рассчитывать, что в твою невиновность поверят двенадцать глупых торговцев в камере присяжных? В ту же ночь мы с Лал Човдаром спрятали тело, а через несколько дней все лондонские газеты были заполнены сообщениями о таинственном исчезновении капитана Морстена. Из того, что я рассказал вам, вы видите, что меня, в сущности, не в чем винить. Но я скрыл тело капитана, а сокровища, принадлежавшие нам обоим, стал считать с того дня своей нераздельной собственностью. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, мои сыновья, восстановили справедливость. Наклонитесь ко мне поближе, к самым губам. Сокровища спрятаны… — В этот момент лицо его страшно исказилось, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я никогда не забуду: „Не пускайте его. Ради всего святого, не пускайте!“

Мы оба взглянули в окно, куда был устремлён его взгляд. Из темноты на нас глядело лицо. Был хорошо виден побелевший нос, прижатый к стеклу. Лицо, налитое злобой, до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко. Мы с братом бросились к окну, но лицо исчезло. Когда мы вернулись к изголовью отца, голова его поникла, пульс перестал биться.

В ту ночь мы обшарили весь сад, но никаких следов ночного вторжения не нашли, кроме отпечатка одной ноги на цветочной клумбе как раз под самым окном. Если бы не этот единственный след, мы могли бы подумать, что то дикое, полное злобы лицо — плод нашего воображения. Однако очень скоро мы обнаружили ещё и другие, значительно более осязаемые признаки, что против нас действуют какие-то таинственные силы. Однажды утром окно в спальне моего отца оказалось распахнутым, шкафы и сундуки перерыты сверху донизу, и на его письменном столе приколот обрывок бумаги, на котором было нацарапано: „знак четырёх“. Мы так и не узнали, кто был наш таинственный посетитель и что означают эти слова. Насколько мы могли судить, ничего из вещей отца не пропало, хотя всё было перерыто вверх дном. Вполне естественно, что это ночное

посещение мы с братом связали с теми страхами, которые всю жизнь преследовали отца. Но кто это был, до сих пор остаётся полнейшей загадкой».

Человечек замолчал, раскурил погасший кальян и несколько секунд глубокомысленно пускал дым. Мы все с неослабным вниманием слушали его в высшей степени удивительное повествование. Во время короткого рассказа о смерти отца мисс Морстен побелела как мел, мне даже на миг показалось, что она упадёт в обморок. Но, выпив воды, которую я налил из графина венецианского стекла, стоявшего в углу на маленьком столике, она поборола волнение. Шерлок Холмс с отсутствующим выражением лица сидел, откинувшись в кресле; из-под опущенных век было видно, как блестят его глаза. Я посмотрел на него и не мог не вспомнить, что только сегодня он горько жаловался на скуку и однообразие жизни. Теперь, по крайней мере, он получил проблему, разрешение которой потребует напряжения всех его удивительных способностей. Мистер Таддеуш Шолто поглядывал то на одного из нас, то на другого, явно гордясь впечатлением, которое произвёл его рассказ. Попыхивая своей непомерно длинной трубкой, он продолжал:



— Мой брат и я, как вы можете догадаться, были весьма взволнованы рассказом отца о сокровищах. В течение нескольких месяцев мы перерыли весь сад метр за метром и ничего не нашли. Мысль, что отец умер в тот самый миг, когда с уст его были готовы сорваться слова, которые сделали бы нас обладателями несметных сокровищ, могла свести с ума. О размерах богатства мы судили по жемчужным чёткам. Относительно этих чёток у нас с братом возникло небольшое недоразумение. Жемчужины были, по всей видимости, очень дорогие, и он не желал с ними расставаться, унаследовав, между нами говоря, частично отцовскую слабость. Кроме того, он полагал, что если ещё кто-нибудь узнает об этих чётках, то пойдут всякие сплетни, и тогда нам не миновать беды. Мне удалось только убедить его разыскать адрес мисс Морстен и посылать ей через определённое время жемчужины по одной, чтобы по крайней мере избавить её от нужды.

— У вас доброе сердце. — Мисс Морстен с признательностью посмотрела на рассказчика. — Это был великодушный поступок.

— Но ведь мы были всё равно как ваши опекуны, — энергично замахал руками человечек. — Так, по крайней мере, считал я. Но брат

Бартоломью никак с этим не соглашался. У нас было много денег. Я был доволен тем, что мы имели. Вести себя так низко по отношению к молодой девушке — это дурной тон. Le mauvais gout mene au crime[2]. Как элегантно выражают французы подобные мысли! Наше расхождение зашло так далеко, что я предпочел поселиться отдельно. Так я и покинул ПондишериЛодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма. Но вчера я узнал, что произошло событие огромной важности: обнаружен тайник, где спрятаны сокровища. Я немедленно дал знать мисс Морстен, и теперь нам остаётся только отправиться в Норвуд и потребовать свою долю. Вчера вечером я сказал брату Бартоломью, что написал мисс Морстен. Так что незваными гостями мы не будем, хотя и желанными тоже.

Мистер Шолто умолк, он сидел на своей роскошной софе и подёргивался. А мы, не проронив ни слова, размышляли о том неожиданном обороте, который получило это таинственное дело. Первым вскочил на ноги Шерлок Холмс.

— Вы правильно вели себя, сэр, от начала до конца, — сказал он. — Мы постараемся приот-

---

[2] Примечания: 2
Дурной тон ведёт к преступлению (*фр.*).

крыть завесу над всем тёмным, что есть в рассказанной вами истории, и этим отблагодарить вас. Но, как только что сказала мисс Морстен, уже поздно, и нам лучше всего взяться за дело без промедления.

Наш новый знакомый очень аккуратно отвернул трубку с кальяна и достал из-за занавески длинное пальто, отделанное тесьмой, с каракулевым воротником и манжетами. Он застегнулся сверху донизу на все пуговицы, хотя вечер был тёплый, даже душный, и нахлобучил на голову кроличий треух, так что боковые клапаны плотно закрывали уши, оставив острую подвижную мордочку.

— Здоровье у меня хрупкое, — объяснил он нам, идя к выходу, — я вынужден соблюдать строгий режим.

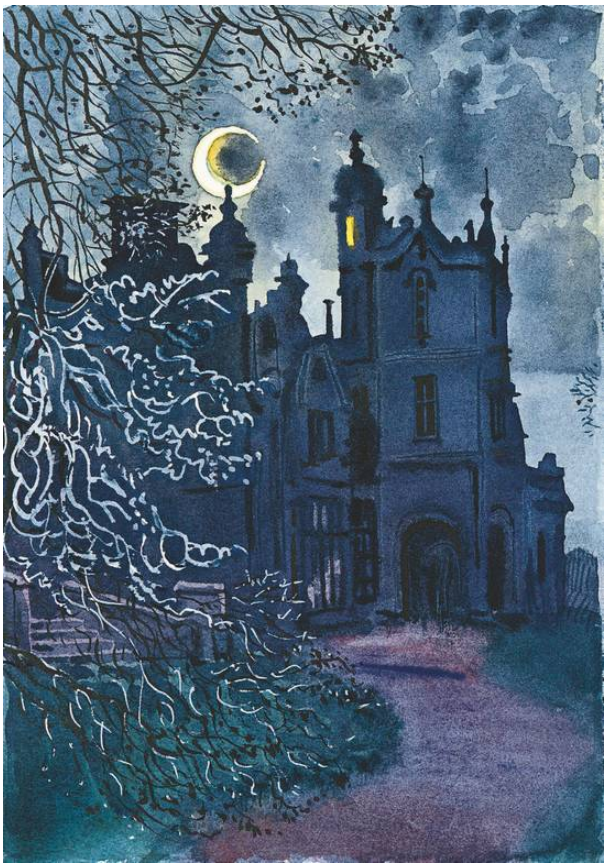
Кэб ждал нас у ворот. Программа была, по-видимому, составлена заранее: не успели мы расположиться внутри, как лошади тронулись и помчались. Таддеуш Шолто трещал без умолку, его резкий высокий голос заглушал стук колес.

— Бартоломью — умная голова. Как, вы думаете, он отыскал ларец с сокровищами? Он пришёл к выводу, что раз ларца нет снаружи, он должен быть где-то в доме. И он перемерил все комнаты,

все коридоры и чуланы, не оставив невымеренным ни дюйма. Оказалось, что высота всего дома семьдесят четыре фута, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и ещё прибавить толщину перекрытий, которые он вымерил, просверлив сквозные отверстия, то окажется, что общая высота равна не более семидесяти футов. Значит, куда-то исчезли целых четыре фута. Было ясно, что их надо искать наверху. Тогда мой брат пробил дыру в потолке комнаты верхнего этажа, и там, как и следовало ожидать, оказался ещё один крошечный чердак, который был замурован, и поэтому о нём никто не знал. Посередине чердака на стропилах стоял ларец с сокровищами. Согнувшись в три погибели, Бартоломью вытащил его через дыру и открыл. В нём оказалось драгоценностей на сумму не менее полумиллиона фунтов стерлингов.

Услыхав такую цифру, мы все широко раскрыли глава. Мисс Морстен, если нам удастся отстоять её права, из бедной компаньонки превращалась в одну из самых богатых невест Англии. Без сомнения, всякий настоящий друг должен был бы обрадоваться, услыхав такую новость. Но я, к своему стыду, должен сказать, что сердце моё налила свинцовая тяжесть. Я пробормотал,

запинаясь, несколько поздравительных слов и мрачно уставился в пол, не слушая дальнейших разглагольствований нашего нового знакомого. Он был типичнейший ипохондрик, и я, как сквозь сон, слушал бесконечное перечисление симптомов его болезней и нескончаемые мольбы объяснить ему состав и действие многочисленных шарлатанских снадобий, которые он всюду возил с собой в кожаном футляре. Я уповаю только на то, что он не запомнил мои советы, которые я дал ему в тот вечер. Холмс утверждает, что он слышал, как я предупреждал его ни в коем случае не принимать более двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно, и настоятельно советовал в качестве успокаивающего средства в больших дозах стрихнин. Как бы там ни было, но я почувствовал облегчение, когда наш кэб рывком остановился, кучер спрыгнул с козел и открыл дверь.



— Это, мисс Морстен, и есть Пондишери-Лодж, — сказал мистер Таддеуш, подавая ей руку.

Глава V
Трагедия в Пондишери-Лодж

Было около одиннадцати часов, когда мы достигли этого последнего этапа нашего ночного путешествия. Мы оставили позади сырой туман большого города, здесь же, в деревне, ночь была суха и тепла. С запада дул тёплый ветерок, тяжёлые тучи медленно ползли по небу, в разрывы иногда выглядывал месяц. Было довольно светло, но Таддеуш Шолто снял с кэба дорожный фонарь и пошёл с ним вперёд.

В глубине парка стоял дом, обнесённый очень высокой каменной стеной, верх которой был усыпан битым стеклом. Попасть внутрь можно было только через узкую, окованную железом дверь в стене. Наш спутник как-то по-особенному постучал, как иногда стучат почтальоны.

— Кто там? — спросил из-за двери грубый голос.

— Это я, Мак-Мурдо. Пора бы уже научиться узнавать мой стук.

Послышалось ворчание, затем звяканье и скрежет ключей, и дверь тяжело повернулась

на петлях. На пороге стоял низкорослый, с могучей грудью человек, жёлтый огонь его фонаря освещал выдвинутое вперёд лицо и недоверчиво блестевшие глазки.

— Это вы, мистер Таддеуш? А это кто с вами? Я не получал никаких распоряжений от хозяина насчёт ваших гостей.

— Никаких распоряжений. Вы меня поражаете, Мак-Мурдо! Я ж говорил моему брату вчера вечером, что со мной приедут мои друзья.

— Хозяин сегодня весь день не выходил из своей комнаты. Вы и сами очень хорошо знаете наши строгости. Вас я могу впустить, но ваши друзья — они пусть подождут вас снаружи.

Это было неожиданное препятствие. Таддеуш Шолто смотрел на стража растерянно и беспомощно.

— Это очень нехорошо с вашей стороны, Мак-Мурдо! — пролепетал он. — Я отвечаю за них, вам этого должно быть достаточно. С нами к тому же молодая девушка. Ей неприлично оставаться в такой час на проезжей дороге.

— Очень сожалею, мистер Таддеуш, — ответил неумолимый страж. — Гости могут быть вашими друзьями, но недругами моего хозяина. Мне хорошо платят, чтобы я хорошо исполнял свои обязанности. И я хорошо их исполняю. Я не знаю этих людей.

— Да нет же, Мак-Мурдо, знаете, — вдруг добродушно проговорил Шерлок Холмс. — Я не думаю,

чтобы вы забыли меня. Помните любителя-боксёра, с которым вы провели три раунда на ринге Алисона в день вашего бенефиса четыре года назад?

— Уж не мистера ли Шерлока Холмса я вижу?! — воскликнул боксёр. — А ведь он самый и есть! Как это я сразу вас не узнал? Вы не стояли бы здесь таким тихоней, а нанесли бы мне ваш знаменитый встречный удар в челюсть, я бы тогда сразу узнал вас. Э-э, да что говорить! Вы из тех, кто зарывает таланты в землю. А то бы далеко пошли, если бы захотели!

— Видите, Ватсон, если моя профессия никому не будет больше нужна, у меня ещё есть в запасе мои любительские таланты, — сказал, смеясь, Холмс. — Наш друг, я уверен, не станет дольше держать нас под открытым небом.

— Входите, входите, сэр, вы и ваши друзья, — отвечал привратник. — Очень сожалею о происшедшем, мистер Таддеуш, но порядок есть порядок. Я должен быть абсолютно уверен в ваших друзьях, чтобы впустить их в дом.

За каменной стеной через пустынный парк шла усыпанная гравием аллея. Дом был весь в тени, кроме одной стены, залитой лунным светом, наверху в ней поблёскивало окно. От этого огром-

ного мрачного дома, погружённого в тишину, становилось жутко. Даже привычному Таддеушу было не по себе: фонарь дрожал и поскрипывал в его руке.

— Ничего не понимаю, — бормотал он. — Здесь какаято ошибка. Я же ясно объяснил Бартоломью, что сегодня вечером мы будем у него. А в его кабинете почему-то нет света. Не понимаю, что бы это могло значить.

— Он всегда так строго охраняет свой дом? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, это заведено ещё моим отцом. Бартоломью был любимчиком, и мне иногда казалось, что отец рассказывает ему больше, чем мне. Вон, видите освещённое луной окно — это кабинет Бартоломью. Но в нём, по-моему, темно.

— Да, темно, — сказал Шерлок Холмс. — Но в маленьком окошке у входа как будто горит свет.

— А, это комната экономки. Миссис Бёрстон, наша старая экономка, там обычно проводит вечера. Она-то всё и объяснит нам. Не согласитесь ли вы несколько минут подождать меня здесь? Если мы войдём все сразу, то миссис Бёрстон испугается, она ведь не ожидает нашего вторжения. Тсс, тише! Что это?

Он поднял дрожащей рукой фонарь, и вокруг

нас запрыгало и закачалось пятно света. Мисс Морстен схватила меня за руку, мы все трое остановились с бьющимися сердцами, напрягая слух. От тёмной мрачной громады дома доносились сквозь ночную тишину скорбные, жалостные звуки — всхлипывания чем-то испуганной женщины.

— Это миссис Бёрстон, — сказал Шолто. — В доме только одна женщина. Подождите здесь. Я сейчас же вернусь.

Он подошёл к двери и постучал своим особенным стуком. Его пустила высокая пожилая женщина, при виде его всплеснувшая от радости руками.

— О, мистер Таддеуш, я так рада, что вы пришли! Так рада, так рада! — услыхали мы её причитания, затем дверь затворилась, и голос её замер в глубине дома.

Таддеуш Шолто оставил нам фонарь. Холмс медленно посветил фонарём по сторонам, затем пристально посмотрел на дом и на большие кучи земли, загромождавшие двор. Мы с мисс Морстен стояли совсем близко, и её рука была в моей. Удивительная, непостижимая вещь любовь, вот мы стоим тут двое, мы никогда не встречались до этого дня, никогда не сказали друг другу ни

одного ласкового слова, не смотрели ласково друг на друга, и вот сейчас в минуту опасности наши руки инстинктивно потянулись одна к другой. Я потом часто вспоминал с удивлением об этой минуте, но тогда мне всё казалось естественным, и она потом часто говорила мне, что сразу же потянулась ко мне, уверенная, что найдёт во мне утешение и защиту. Так мы стояли вдвоём, перед этим странным, мрачным домом, держась за руки, как дети, и наши сердца вдруг объял покой.

— Какое странное место, — проговорила мисс Морстен, оглядываясь.

— Похоже, что над этим парком трудились все кроты Англии. Мне довелось видеть нечто подобное под Балларэтом. Но там весь холм был перекопан и изрыт золотоискателями.

— И здесь трудились золотоискатели, — заметил Холмс. — Вернее, искатели кладов. Не забывайте, хозяева этого дома шесть лет искали сокровища. Ничего удивительного, что парк похож на золотой прииск.

В этот миг входная дверь распахнулась, и с протянутыми вперёд руками из дому выбежал Таддеуш Шолто, в глазах его стоял ужас.

— С Бартоломью что-то случилось! — воскликнул он. — Я так боюсь! Нервы мои не выдержи-

вают.

Он действительно чуть не захлёбывался слезами, и его дёргающееся, бледное лицо, выступающее из каракулевого воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение до смерти перепуганного ребёнка.

— Идёмте в дом, — решительно проговорил Холмс.

— Да, идёмте, — умоляюще пролепетал Таддеуш Шолто. — Я, правда, совсем уже не понимаю, что теперь делать.

Мы последовали за ним в комнату экономки, которая находилась по левую руку от входа. В ней взад и вперёд металась испуганная женщина, нервно теребя пальцы, но появление мисс Морстен подействовало на неё успокаивающе.

— Господь да благословит вас, — воскликнула она, подавляя рыдания. — Какое кроткое и доброе у вас лицо! Я гляжу на вас, и мне становится легче. Что я вынесла за этот день!

Мисс Морстен, погладив худую, загрубевшую от работы руку экономки, сказала ей несколько ласковых, утешительных слов с чисто женским участием, и бледные, бескровные щёки пожилой женщины слегка порозовели.

— Хозяин заперся у себя и не отвечает на стук, —

объяснила она. — Я целый день ждала, когда он позовет меня. Но вообще-то он любит оставаться один. Час назад я начала тревожиться, уж не случилось ли чего, поднялась наверх и заглянула в замочную скважину. Вы должны сами подняться туда, мистер Таддеуш, и посмотреть. Десять лет я живу в этом доме, я видела мистера Бартоломью и в горе и в радости, но такого лица я не видала у него никогда.

Шерлок Холмс взял лампу и пошёл наверх первый, так как у Таддеуша от страха зуб на зуб не попадал. Колени у него подгибались, и я взял его под руку, чтобы он смог подняться по лестнице. Дважды, пока мы шли наверх, Холмс вынимал из кармана лупу и тщательно разглядывал какие-то тёмные пятна на циновке из кокосового волокна, которые показались мне простой пылью. Он двигался очень медленно, лампу нёс низко и бросал влево и вправо цепкие взгляды. Мисс Морстен осталась внизу с перепуганной экономкой.

Третий пролёт вывел нас в длинный прямой коридор, на правой стене которого висел ручной работы индийский ковёр. Слева выходили три двери. Холмс медленно пошёл вперёд, тщательно осматривая всё на ходу, мы шли за ним по пятам, а за нами двигались вдоль коридора наши длин-

ные чёрные тени. Нам нужна была третья дверь. Холмс постучал и, не получив ответа, попытался повернуть ручку и нажал на неё. Дверь оказалась запертой изнутри. Холмс поднёс лампу к самому замку, и мы увидели, что язык замка — широкий и очень прочный. Ключ, однако, был повёрнут, и в скважине оставалась щёлка. Шерлок Холмс наклонился к ней и тут же резко отпрянул.

— Что-то в этом есть дьявольское, Ватсон! — прошептал он. Я никогда раньше не видел его таким встревоженным. — Что вы об этом думаете?

Я нагнулся к скважине и содрогнулся от ужаса. В окно лился лунный свет, наполняя комнату слабым зыбким сиянием. Прямо на меня смотрело как бы висевшее в воздухе — так как всё под ним было в тени — лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая блестящая лысина, та же рыжая бахрома вокруг, то же бескровное лицо. Только черты его лица застыли в ужасной улыбке — напряжённой и неестественной, которая в этой спокойной, залитой лунным светом комнате производила более страшное впечатление, чем гримаса боли или страха. Лицо было так похоже на лицо нашего крошечного приятеля, что я оглянулся, чтобы убедиться, что он здесь,

рядом со мной. «Они ведь с братом близнецы», — вспомнил я.

— Какой ужас! Что теперь делать? — сказал я Шерлоку Холмсу.

— Нужно высадить дверь, — ответил он и, навалившись на неё всем телом, попытался взломать замок. Дверь трещала и скрипела, но не поддавалась. Тогда мы с силой навалились вдвоём, замок щёлкнул, дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете Бартоломью Шолто.

Кабинет был оборудован под химическую лабораторию. На полке, висевшей на стене против двери, стояли два ряда бутылей и пузырьков со стеклянными притёртыми пробками, стол был уставлен бунзеновскими горелками, пробирками и колбами. По углам на полу стояли большие бутыли в корзинах, в которых держат кислоту. Одна из них, по-видимому, треснула или раскололась, так как из-под неё вытекала струйка какой-то тёмной жидкости, и комнату наполнял тяжёлый сладковатый запах, похожий на запах дёгтя. В одном углу комнаты стояла стремянка, пол у её основания был усыпан штукатуркой и дранкой, а верх упирался в потолок, рядом с отверстием, достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. На полу рядом с лестницей был брошен

моток толстой верёвки.

Возле стола в деревянном кресле сидел в поникшей позе хозяин дома, наклонив голову к левому плечу и улыбаясь этой ужасной, непостижимой улыбкой. Он был холодный и уже окоченел. Он был мёртв, по-видимому, уже несколько часов. Я обратил внимание, что не только его лицо было искажено гримасой, но руки и ноги были вывернуты и скручены самым невероятным образом. На столе рядом с его рукой лежало странное орудие — коричневая тонкая трость с каменным наконечником в виде молотка, грубо привязанным верёвкой. Рядом с ней лежал вырванный из блокнота листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов. Холмс взглянул на него и протянул мне.

— Видите, — многозначительно подняв брови, сказал он.

В свете фонаря я прочитал, содрогнувшись от ужаса: «знак четырёх».

— Во имя всего святого, что всё это значит?

— Это значит, что здесь было совершено убийство, — сказал Холмс, наклоняясь к окоченевшему трупу несчастного Бартоломью Шолто. — А, я так и ожидал, смотрите! — И он указал на вонзившийся в кожу над ухом тонкий длинный

тёмный шип.

— Походит на шип от какого-то растения, — заметил я.

— Это и есть шип. Можете вынуть его. Только осторожно, он отравлен.

Осторожно, двумя пальцами я вынул шип. Он поддался очень легко, не оставив на коже почти никакого следа. Место прокола обозначалось только маленьким пятнышком засохшей крови.

— Для меня всё это непостижимая тайна, — признался я, — и чем дальше, тем загадочнее она становится.

— Для меня наоборот, — ответил Холмс, — дело с каждой минутой проясняется. Недостаёт только нескольких звеньев, чтобы восстановить ход событий.

Мы почти забыли о присутствии нашего спутника, попав в эту комнату. Он всё ещё стоял в дверях, ломая руки и издавая время от времени

сдавленные стоны. Фигура его была олицетворением отчаяния. Вдруг из его груди вырвался безумный, полный отчаяния вопль.

— Сокровища исчезли! — вопил он. — Они ограбили его! Видите вон ту дыру. Мы вытащили ларец оттуда. Я помогал ему! Я последний, кто видел его живым! Я ушёл отсюда вчера вечером и слышал, когда спускался по лестнице, как он запирал за мной дверь.

— В котором часу это было?

— В десять часов. И вот он мёртв! Сюда позовут полицию. Подозрение падёт на меня. Да, я уверен, что так и будет. Но вы не считаете меня виновным, господа? Вы, конечно, не можете думать, что это сделал я! Разве бы я привёз вас сюда, если бы это я? О господи! О господи! Нет, я сойду с ума!

Он ломал руки, топал ногами, его трясло как в лихорадке.

— Вам нечего бояться, мистер Шолто, — сказал Холмс, успокаивающе похлопывая его по плечу. — Послушайтесь меня и поезжайте в полицейский участок. Надо сообщить о случившемся. Обещайте оказать им всевозможную помощь. А мы вас здесь подождём.

Человечек повиновался, всё ещё полностью не придя в себя. И мы услышали, как он, спотыкаясь

в темноте, спускается по лестнице.

Глава VI
Шерлок Холмс демонстрирует свой метод

— Итак, Ватсон, — сказал Шерлок Холмс, потирая руки. — В нашем распоряжении полчаса. Давайте как можно лучше используем это время. Как я уже вам сказал, дело мне вполне ясно. Но всё-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу ни показался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным.

— Простым! — в изумлении воскликнул я.

— Конечно, — ответил Холмс с видом профессора, демонстрирующего ученикам интересного больного. — Пожалуйста, сядьте в тот угол, чтобы ваши следы не осложнили дело. А теперь за работу. Во-первых, как эти молодцы проникли сюда и как выбрались наружу? Дверь со вчерашнего вечера не отпиралась. Как насчёт окна? — Он поднёс к окну лампу, высказывая вслух свои соображения, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Окно заперто изнутри. Рамы очень прочные. Давайте откроем его. Рядом никакой во-

досточной трубы. Крыша недосягаема. И всё-таки человек проник в комнату через окно. Прошлую ночь шёл небольшой дождь. Видите, на подоконнике земля, отпечаток ботинка и ещё один странный круглый отпечаток. А вот опять этот след. На этот раз на полу. А вот он уже на столе. Смотрите, Ватсон, картина вполне ясная.

Я стал рассматривать круглые бляшки земли на полу.

— Это след не от ноги, — сказал я.

— Поэтому он так и важен. Это отпечаток деревянного протеза. Видите, здесь на подоконнике след тяжёлого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом круглый след деревяшки.

— Человек на деревянной ноге!

— Вот именно. Он здесь был не один. У него был очень способный и ловкий помощник. Вы могли бы, доктор, залезть по этой стене?

Я выглянул в открытое окно. Луна всё ещё ярко освещала эту часть дома. Мы были на высоте добрых шестидесяти футов от земли, и, насколько я мог видеть, нигде в кирпичной кладке не было ни трещины, ни выемки, куда можно было поставить ногу.

— Это абсолютно невозможно, — ответил я.

— Да, одному невозможно. Но предположим, в комнате находится ваш сообщник, который выбросил вам надёжную верёвку, вон ту, что валяется в углу, привязав один её конец к торчащему в стене крюку. Ну тогда, если вы человек ловкий, то и с деревянной ногой вы, пожалуй, смогли бы забраться по этой стене. Потом вы спустились бы вниз, ваш друг втащил бы верёвку наверх, отвязал от крюка, запер окно на задвижку, а сам ушёл из этой комнаты тем же путём, каким и вошёл сюда. Деталь помельче, — продолжал Холмс, показывая на верёвку. — Хотя наш друг на деревяшке оказался отличным верхолазом, но он по профессии не моряк. Его руки не задубели от лазания по канатам. Моя лупа обнаружила в нескольких местах следы крови, особенно заметные на конце верёвки. Значит, он спускался вниз так поспешно, что содрал кожу с рук.

— Очень хорошо, — сказал я, — но всё дело не стало от этого ни на йоту понятнее. Кто этот таинственный помощник? Как он проник в эту комнату?

— Да, помощник, — повторил Холмс задумчиво. — Этот помощник — личность примечательная. Благодаря ему дело приобретает совершенно исключительную окраску. Я думаю, что оно впи-

шет новую страницу в историю преступлений в Англии. Подобные случаи бывали раньше, но только в Индии и ещё, если память не изменяет мне, в Сенегамбии.

— Но как же всё-таки он проник в эту комнату? — повторил я. — Дверь заперта, окна снаружи недоступны. Может быть, через трубу?

— Каминное отверстие слишком мало, — ответил Холмс. — Я уже проверил эту возможность.

— Но как же тогда?

— Вы просто не хотите применить мой метод, — сказал он, качая головой. — Сколько раз я говорил вам: отбросьте всё невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался. Нам известно, что он не мог попасть в комнату ни через дверь, ни через окна, ни через дымовой ход. Мы знаем также, что он не мог спрятаться в комнате, поскольку в ней прятаться негде. Как же тогда он проник сюда?

— Через крышу! — воскликнул я.

— Без сомнения. Он мог проникнуть в эту комнату только через крышу. Если вы будете добры посветить мне, мы продолжим наши поиски в тайнике, где был спрятан ларец с сокровищами.

Холмс поднялся по стремянке к потолку, ухватился обеими руками за балку и, подтянувшись,

влез в отверстие. Затем, высунув лицо, — он, видимо, распластался там, — протянул руку, взял у меня лампу и держал её, пока я поднимался следом.

Чердак, на котором мы очутились, был десяти футов в длину и шести в ширину. Полом служили потолочные балки и тонкий слой дранки со штукатуркой, так что ступать с балки на балку надо было с осторожностью. Крыша была двускатная, заканчивалась коньком. Потолком чердака служила, по всей вероятности, внутренняя сторона крыши. Пол покрывал толстый слой пыли, скопившийся за многие годы. Кроме пыли, на чердаке ничего не было.

— Вот, пожалуйста, — сказал Шерлок Холмс, кладя руку на покатую стену. — Это слуховое окно ведёт наружу. Откройте его и очутитесь прямо на крыше, а крыша, к счастью, пологая. Именно этим путём Номер Первый и проник в комнату. Давайте посмотрим, не оставил ли он каких-нибудь следов.

Холмс опустил лампу к полу, и я второй раз за сегодняшний вечер увидел на его лице удивлённое и озадаченное выражение. Проследив его взгляд, я почувствовал, как мороз продирает меня по коже: на полу было множество отпечатков

босых ног — чётких, хорошо заметных, но эти следы были чуть не в половину меньше следов взрослого человека.

— Холмс, — прошептал я, — выходит, что это страшное дело сделал ребёнок!

Самообладание уже вернулось к Холмсу.

— Я было, признаться, оказался в тупике. Память подвела. А ведь дело-то простое. Я должен был с самого начала догадаться, какие будут следы. Ну что ж, здесь больше делать нечего. Идёмте вниз.

— Но что это за следы? — спросил я, сгорая от любопытства.

— Дорогой Ватсон, проанализируйте факты, — сказал он с лёгким раздражением. — Вы знаете мой метод. Примените его, будет интересно сравнить результаты.

— Нет, я ничего не понимаю, — отвечал я.

— Скоро всё поймёте, — рассеянно бросил Холмс. — Я думаю, что ничего интересного здесь

больше нет. И всё-таки я проверю ещё раз.

Быстрым движением он вынул из кармана лупу и сантиметр и, приблизив свой острый тонкий нос к самой обшивке, стал внимательно изучать каждый миллиметр. Его глаза, блестящие, глубоко посаженные, напоминали мне глаза хищной птицы. Так быстры, неслышны и вкрадчивы были его движения, точь-в-точь как у ищейки, взявшей след, что я вдруг подумал, каким бы страшным преступником он мог бы быть, если бы направил свой талант и свою энергию не в защиту закона, а против него.

Осматривая чердак, он всё время что-то шептал себе под нос и вдруг радостно вскрикнул.

— Вот уж, можно сказать, повезло, — сказал он. — Это сэкономит нам много времени и трудов. Номер Первый имел неосторожность вступить в креозот. Видите, с правой стороны этой вязкой, вонючей лужи отпечатался краешек маленькой ноги. Бутыль с креозотом, по-видимому, треснула, и жидкость потекла.

— Ну и что?

— А то, что теперь мы его очень быстро поймаем. Есть собака, которая по следу, пахнущему креозотом, пойдёт хоть на край света. Если обычная ищейка будет держать след до самых границ

графства, как вы думаете, куда может уйти специально натренированная собака? Обычная пропорциональная зависимость, неизвестный член которой равен… Стоп! Я слышу, на место прибыли полномочные представители закона.

Внизу послышались тяжёлые шаги и громкие голоса, сильно хлопнула входная дверь.

— Пока они ещё не пришли, — сказал Холмс, — коснитесь ладонью руки и ноги этого бедняги. Что вы чувствуете?

— Мускулы затвердели, как дерево, — ответил я.

— Вот именно. Они сведены сильнейшей судорогой. Это не простое трупное окоченение. На какую мысль наводит вас эта гиппократовская, или, как любили писать старые писатели, сардоническая улыбка и это окостенение?

— Смерть наступила в результате действия какого-то сильного алкалоида растительного происхождения, — отвечал я, — наподобие стрихнина, вызывающего столбняк.

— Это первое, о чём я подумал, когда увидел это перекошенное лицо. Войдя в комнату, я сразу же стал искать, чем был введён яд. И, как помните, обнаружил шип, который едва наколол кожу. Обратите внимание, что шип поразил ту часть

головы, которая обращена к отверстию в потолке, если сидеть прямо на этом стуле. А теперь давайте осмотрим самый шип.

Я осторожно взял шип и поднёс к фонарю. Он был длинный, острый и чёрный, у самого острия блестел засохший подтёк какой-то густой жидкости. Тупой конец имел овальную форму и носил следы ножа.

— Это от дерева, растущего в Англии?

— Разумеется, нет. Так вот, Ватсон, имея в своём распоряжении столько фактов, вы должны прийти к правильному заключению. А вот и представители регулярных частей; вспомогательные силы должны уступить им место.

Шаги были слышны всё громче, наконец, они зазвучали прямо за дверью, и в комнату вошёл, тяжело ступая, грузный, большой мужчина в сером. У него было красное, мясистое лицо, с которого хитро поглядывали на нас из-под припухших, одутловатых век маленькие блестящие глазки. За ним вошёл инспектор полиции в мундире и следом всё ещё не переставший дрожать Таддеуш Шолто.

— Ну и дельце! — воскликнул вошедший глухим, хриплым голосом. — Хорошенькое дельце! Кто это здесь? Почему в доме людей, как в садке

кроликов?..

— Вы, должно быть, помните меня, мистер Этелни Джонс? — спокойно проговорил Холмс.

— Ясное дело, помню, — прохрипел в ответ тот. — Вы мистер Холмс, Шерлок Холмс, теоретик. Я никогда не забуду, как вы поучали нас, объясняя, куда девались бишопгейтские бриллианты. Справедливость требует заметить, что вы показали нам верный путь, но теперь-то уж вы можете признать, что в тот раз вам помог просто счастливый случай.

— Мне помогла в тот раз простая логика.

— Ну будет, будет. Никогда не стыдитесь правды. Так что же здесь произошло? Скверное дело! Скверное! Факты, к счастью, налицо, так что всякие там теории ни к чему. К счастью, я как раз оказался в Норвуде, по поводу другого дела. И вдруг эта смерть в Пондишери-Лодж. Как вы думаете, отчего она наступила?

— Теории здесь ни к чему, — сухо заметил Холмс.

— Конечно, конечно. Но мы ведь не отрицаем, что вы иногда удивительно попадаете в точку. Господи помилуй! Дверь, как я понимаю, заперта. Хм, хм… Исчезли драгоценности стоимостью в полмиллиона. А как насчёт окна?

— Тоже на запоре, но на подоконнике есть следы.

— Отлично, отлично, но если оно заперто, то следы не имеют никакого отношения к делу. Это подсказывает здравый смысл. Человек может умереть от удара. Да, но ведь исчезли драгоценности. Ага! У меня есть версия. Иногда и на меня находят озарения. Пожалуйста, отойдите в сторону, сержант, и вы, мистер Шолто. Ваш друг может остаться, где стоит. Что вы об этом думаете, Холмс? Шолто, как он сам признался, был вчера весь вечер со своим братом. С братом случился удар, после чего Шолто ушёл и унёс с собой все драгоценности. Ну, что скажете?

— После чего мёртвый хозяин очень предусмотрительно встал и заперся изнутри.

— Гм, гм! В этом слабое место моей версии. Призовём на помощь здравый смысл. Этот Таддеуш Шолто пришёл к брату. Завязалась ссора. Это нам известно. Брат мёртв, драгоценности исчезли — это тоже известно. Никто не видел брата после ухода Таддеуша. Постель его не тронута. Таддеуш явно пребывает в большом смятении. Как вы видите, я плету сеть вокруг Таддеуша. И сеть затягивается.

— Но вам ещё неизвестны все факты, — заме-

тил Холмс. — Видите этот шип; у меня есть все основания полагать, что он отравлен. Его нашли вонзённым в голову убитого. Там остался след. На столе лежала вот эта записка, прочтите её. Рядом было вот это странное оружие с наконечником из камня. Как ваша версия объясняет эти факты?

— Замечательно объясняет, — напыщенно ответил жирный детектив. — Дом полон индийских редкостей. И Таддеуш принёс эту штуку сюда. А если шип был отравлен, то ему было проще простого использовать его как орудие убийства. Эта записка — ловкий трюк для отвода глаз. Одно только неясно — каким путём он вышел отсюда? Ага, в потолке отверстие! Разумеется, через него.

С неожиданной для его тучности ловкостью он полез вверх по лестнице и нырнул в отверстие. В ту же минуту мы услыхали его торжествующий голос. Он кричал, что с чердака на крышу ведёт слуховое окно.

— Он, пожалуй, найдёт там ещё что-нибудь, — проговорил Холмс, пожав плечами. — Иногда в нём как будто заметны проблески разума. «Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit»[3].

---

[3] Примечания: 3

«Нет более несносных глупцов, чем те, которые не совсем лишены ума» (*фр.*). Ф. Ларошфуко, «Максимы и моральные размышления».

— Вот видите! — сказал Этелни Джонс, спускаясь по лестнице. — Факты надёжнее всякой теории. Моя версия подтверждается полностью. На чердаке есть дверь на крышу. И она даже приоткрыта.

— Это я её открыл.

— В самом деле? Так значит, вы тоже её видели?

Джонс был явно обескуражен, услыхав слова

Холмса.

— Неважно, кто первый её заметил, — сказал он примирительно, — важно то, что теперь ясно, как он выбрался отсюда. Инспектор!

— Да, сэр! — голос из коридора.

— Пригласи сюда мистера Шолто. Мистер Шолто, мой долг предупредить вас, что все ваши слова могут быть обращены против вас. Я арестую вас именем королевы как лицо, причастное к смерти вашего брата.

— Ну вот! Я говорил вам! — воскликнул плачущим голосом маленький человечек, протягивая к нам руки.

— Не расстраивайтесь, мистер Шолто, — сказал Холмс. — Я думаю, что сумею снять с вас это обвинение.

— Не обещайте слишком много, мистер Теоретик, не обещайте! — воскликнул детектив. — Это может оказаться не таким простым делом.

— Я не только сниму с мистера Шолто обвинение, мистер Джонс, но я ещё и сделаю вам подарок: назову имя и приметы одного из двоих людей, которые были в этой комнате прошлой ночью. У меня есть все основания утверждать, что его имя Джонатан Смолл. Он почти неграмотный, невысокого роста, подвижный, у него

нет правой ноги, он ходит на стоптанной внутрь деревяшке. Левая его нога обута в грубый, с квадратным носом башмак на железной подковке. Это бывший каторжник, лет ему около сорока, он очень загорелый. Вот несколько примет, которые могут помочь вам, тем более что на этой верёвке имеется кровь: он вчера ночью ободрал здесь ладони. Другой…

— Ах, есть и другой, — насмешливо проговорил Этелни Джонс, но было заметно, что уверенность, с какой Холмс описывал преступника, произвела на него впечатление.

— Это довольно любопытная личность, — сказал Холмс, поворачиваясь на пятках. — Я надеюсь, что очень скоро передам эту парочку в ваши руки. Ватсон, мне надо сказать вам несколько слов.

Он вывел меня на площадку лестницы.

— Неожиданный поворот событий, — сказал он, — заставил нас забыть о первоначальной цели нашего путешествия.

— Я тоже как раз об этом подумал, — ответил я. — Нельзя, чтобы мисс Морстен дольше находилась в этом злосчастном доме.

— Нельзя. Вы должны отвезти её домой. Она живёт у миссис Сесил Форрестер в Лоуэр-Камберуэлле. Это не так далеко отсюда. Если вы решите

вернуться, я вас здесь подожду. Но, может быть, вы очень устали?

— Нисколько. Я не смогу уснуть, пока эта фантастическая история не станет для меня более или менее ясной. Я не раз попадал в чрезвычайно сложные и острые ситуации, но, должен признаться, сегодняшнее нагромождение этих поистине невероятных происшествий вывело меня из равновесия. Но раз уж я оказался в самой гуще событий, я останусь с вами до конца.

— Ваше присутствие мне будет очень необходимо, — сказал Холмс. — Мы поведём это дело самостоятельно. И пусть Джонс тешит себя своими фантазиями. Когда вы отвезёте мисс Морстен, поезжайте, пожалуйста, в Ламбет, улица Пинчин-лейн, 3. Это на самом берегу. В третьем доме по правую руку живёт чучельник по имени Шерман, он набивает чучела птиц. В его окне вы увидите ласку, держащую крольчонка. Разбудите Шермана, передайте от меня привет и скажите ему, что мне немедленно нужен Тоби. Возьмите Тоби и привезите его сюда.

— Это собака?

— Да, забавный такой пёс, не чистокровный, но с поразительным нюхом. Я предпочитаю воспользоваться помощью Тоби, чем всеми сыск-

ными силами Лондона.

— Я привезу его вам, — ответил я. — Обратно я вернусь около трёх, если найду свежую лошадь.

— А я, — сказал Холмс, — попробую узнать что-нибудь у миссис Бёрстон и слуги-индуса, который, как сказал мистер Таддеуш, спит в чулане на чердаке. Затем я примусь за изучение методов великого мистера Джонса и послушаю его иронические и малоделикатные замечания. «Wir sind gewohnt, dass die Menschen verhonen was sie nicht verstehen»[4]. Гёте, как всегда, глубок и краток.

[4] Примечания: 4

«Мы привыкли, что люди издеваются над тем, чего они не понимают» (*нем.*).

Глава VII
Эпизод с бочкой

Полицейские приехали в двух кэбах, одним я воспользовался, чтобы отвезти мисс Морстен домой. Обладавшая в высшей степени чувством сострадания, мисс Морстен весь этот ужасный вечер держала себя стойко, пока рядом было существо, нуждавшееся в поддержке. Когда я спустился вниз, она ласково и невозмутимо разговаривала с перепуганной экономкой. Когда же мы очутились с ней вдвоём в кэбе, она вдруг совсем обессилела, а потом безутешно разрыдалась — так сильно подействовали на неё события этого вечера. Впоследствии она говорила мне, что во время этого путешествия в кэбе я показался ей чужим и холодным. Она и не подозревала, какая во мне происходила борьба и сколько мне стоило усилий сдержать себя. Я был так же полон к ней сострадания и нежности, как там, в саду, когда мы держались за руки. Я понимал, что за многие годы безмятежной жизни я не узнал бы лучше её доброго и храброго сердца, чем за один этот невероятный день. Но два соображения мешали мне

что-нибудь сказать. Она была беззащитна и слаба, нервы у неё сильно расстроились. Говорить ей сейчас о своей любви значило воспользоваться её беспомощностью. Но ещё хуже было то, что она была богата. Если поиски Холмса увенчаются успехом, она станет наследницей найденных сокровищ, по крайней мере половины их. Будет ли справедливо, будет ли благородно, если отставной хирург на половинном жалованье воспользуется минутой близости, которую подарил ему случай? Не отнесётся ли она ко мне, как к обычному искателю богатых невест? Я не могу допустить, чтобы она так обо мне подумала. Эти сокровища Агры легли между нами непреодолимым барьером.

Было около двух часов, когда мы добрались до дома миссис Сесил Форрестер. Слуги уже давно легли спать, но миссис Форрестер ещё не ложилась, а ждала возвращения мисс Морстен — так заинтересовало её странное письмо, полученное её компаньонкой. Она сама открыла нам дверь. Это была очень приятная средних лет дама; я с радостью заметил, как ласково она обняла мисс Морстен, и голос её звучал по-матерински. Было ясно, что мисс Морстен не просто живёт в услужении, но она ещё и друг. Она представила меня

миссис Форрестер, и та предложила мне войти в дом, несмотря на поздний час, и рассказать о наших приключениях. Но я объяснил ей всю важность поручения Холмса и твёрдо обещал в скором времени заехать к ним и рассказать, как подвинулось дело. Когда кэб отъехал немного, я оглянулся, и до сих пор передо мной эта картина: две изящные женские фигурки, тесно прижавшиеся друг к другу на ступеньках крыльца, открытая входная дверь, прихожая, освещённая сквозь матовое стекло внутренней двери, барометр на стене, ярко начищенные металлические прутья на лестнице. Как умиротворяюще подействовал на меня спокойный уют английского дома! Я даже забыл на секунду это ужасное, загадочное дело.

И чем больше я о нём думал, тем загадочнее и ужаснее оно мне казалось. Пока кэб громыхал по тихим, освещённым газовыми фонарями ночным улицам, я вспомнил всю цепь невероятных событий прошлого дня и ночи. Начальная проблема вполне прояснилась. Смерть капитана Морстена, посылки с жемчужинами, объявление в газете, письмо — всё это больше не было тайной, но зато нам открылась ещё одна тайна, куда более загадочная и трагическая. Индийские сокровища, непонятный план, найденный среди

вещей капитана Морстена, странные события, приведшие к смерти майора Шолто, открытие тайника и убийство того, кто этот тайник нашёл, исключительные обстоятельства убийства, странные следы, странное оружие, слова, нацарапанные на клочке бумаги, те же самые, что были на плане Морстена, — это был настоящий лабиринт, в котором человек, не наделённый такими исключительными способностями, как мой друг Шерлок Холмс, непременно бы заблудился, потеряв всякую надежду когда-нибудь найти выход.

Пинчин-лейн была рядом старых двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я долго стучал в двери дома № 3. Наконец за ставнем блеснул огонёк свечи, и в окне второго этажа появилось лицо.

— Убирайся отсюда сейчас же, пьяная тварь! — раздалось сверху. — Если ты не перестанешь колотить, я отопру двери и выпущу на тебя сорок три собаки.

— Мне нужно только одну, я затем и приехал.

— Убирайся! — вопил тот же голос. — У меня здесь в корзине гадюка! Если ты не уйдёшь, я брошу её тебе на голову!

— Мне нужна собака, а не змея! — кричал я в ответ.

— Надоело мне с тобой пререкаться. Считаю до трёх. Если не уйдёшь, бросаю гадюку!

— Мистер Шерлок Холмс… — начал я.

Имя Шерлока Холмса возымело магическое действие, ибо рама немедленно опустилась, а не прошло и минуты, как загремели ключи и дверь отворилась. Мистер Шерман оказался длинным, худым стариком, с сутулыми плечами, жилистой шеей и в синих очках.

— Друг Шерлока Холмса всегда желанный гость в этом доме, — сказал он. — Входите, сэр. Держитесь подальше от барсука, он кусается. Фу, как стыдно! Ты хочешь укусить этого господина? — Эти слова были обращены к горностаю, который просовывал свою хищную мордочку с красными глазками между прутьев клетки. — Не обращайте на эту змею внимания. Это всего-навсего веретеница. Она не ядовитая, и я пускаю её бегать по комнате. Она уничтожает жуков. Вы не сердитесь на меня за то, что я поначалу был несколько груб. Спасения нет от мальчишек. Любят торчать под моими окнами. Чем я могу быть полезным мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

— Ему нужна ваша собака.

— А-а! Ему нужен Тоби!

— Да, именно Тоби.

— Тоби живёт здесь в номере седьмом по левую руку.

R. G.

Он медленно побрёл со свечой в руках по этому удивительному звериному городку. В неверном, слабом свете свечи я различал в каждом закоулке, в каждой щели блестящие, мерцающие глаза, следящие за нами. Над нашими головами на потолочных балках сидели важные птицы и лениво переступали с ноги на ногу, когда наши голоса тревожили их сон.

Тоби оказался маленьким уродцем, длинношёрстным и длинноухим, помесь спаниеля и шотландской ищейки. Он был коричневый с белым, и у него была смешная, неуклюжая походка вперевалочку. После некоторого колебания он взял от меня кусок сахару, данный мне старым натуралистом, и, заключив таким образом со мной союз, без всяких уговоров последовал за мной в кэб. На дворце ламбетского епископа как раз пробило три, когда я во второй раз в эту ночь очутился у ворот Пондишери-Лодж. Бывший профессиональный боксёр Мак-Мурдо, как я узнал, был арестован по подозрению в соучастии и вместе с мистером Шолто отправлен в полицию. Узкую входную дверь караулили два полицейских, но меня с собакой они пропустили немедленно, как только я назвал имя знаменитого сыщика.

Холмс стоял на пороге, засунув руки в карманы и куря свою трубку.

— А, вы привезли его! — сказал он, увидев меня. — Хорошая собака! Этелни Джонс ушёл. Пока вас не было, мы были свидетелями его неукротимой энергии. Он арестовал не только нашего друга Таддеуша Шолто, но и экономку, привратника и слугу-индуса. Так что мы здесь одни, не считая сержанта в кабинете наверху. Оставьте собаку здесь и пойдёмте со мной.

Мы привязали Тоби к столу в прихожей и поднялись по лестнице. Комната была в том же виде, как я её оставил, только тело посреди комнаты было укрыто простынёй. В углу прикорнул усталый сержант.

— Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, сержант, — сказал Холмс. — А теперь завяжите сзади вот эту бечёвку, чтобы фонарь висел у меня на груди. Ботинки с носками я сниму. Вы захватите их с собой вниз, Ватсон. Я хочу попробовать профессию верхолаза. Опустите, пожалуйста, мой носовой платок в креозот. Так, хорошо. А теперь поднимемся ненадолго наверх.

Мы опять поднялись по стремянке и влезли через отверстие в потолке на чердак. Холмс направил свет фонаря на странные следы в пыли.

— Это очень интересные следы, — сказал он. — Вы заметили в них что-нибудь необыкновенное?

— Это следы ребенка, — ответил я, — или миниатюрной женщины.

— Если судить по их размеру. А ещё что в них поражает?

— По-моему, они больше ничем не отличаются от всякого другого следа.

— Отличаются, да ещё как! Смотрите. В пыли отпечаток правой ступни. Я наступаю рядом своей ступнёй. В чём разница?

— Ваши пальцы прижаты друг к другу. На маленьком следе все пальцы торчат врозь.

— Совершенно верно. Это очень важно запомнить. А теперь подойдите к слуховому окну и понюхайте подоконник. Я со своим платком останусь здесь.

Так я и сделал и почувствовал сильный запах дёгтя.

— Вот куда он поставил ногу, когда уходил отсюда. Если вы учуяли его след, то Тоби и подавно учует. А теперь ступайте вниз, отвяжите собаку — и в погоню за Номером Первым.

Когда я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже на коньке крыши, по которому он медленно полз, как огромный светляк. Он было исчез за трубами,

но скоро опять появился и снова исчез за коньком — видимо, стал спускаться по противоположному скату крыши. Я обошёл дом и увидел, что он уже сидит на карнизе, рядом с угловой водосточной трубой.

— Ватсон, это вы? — крикнул он сверху.

— Я, — ответил я.

— Вот где он поднимался. Что там внизу?

— Бочка!

— Крышка на ней есть?

— Есть.

— А лестницы поблизости не видно?

— Нет!

— Вот дьявол! Тут и шею сломать недолго. Но там, где прошёл он, пройду и я. Водосточная труба довольно прочная. Ну, я спускаюсь!

Послышалось шарканье босых ног, и огонь фонаря медленно пополз вниз по стене. Затем Холмс легко прыгнул на крышку бочки и оттуда на землю.

— Нетрудно было идти по его следу, — сказал он, надевая носки и ботинки. — Черепица, где он ступал, ослабла, и впопыхах он обронил вот что. Это подтверждает мой диагноз, как любите говорить вы, медики.

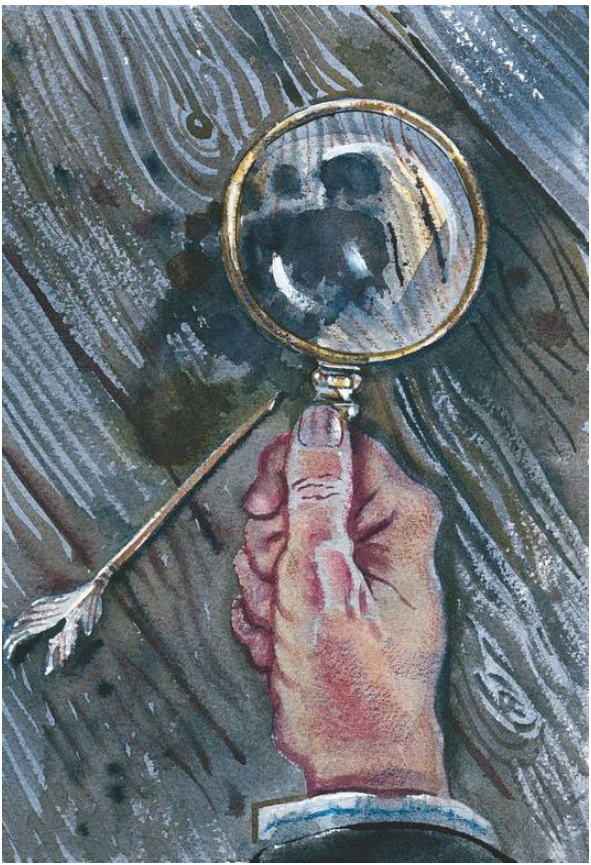
Он протянул мне что-то вроде небольшого

кошелька, сплетённого из цветной соломки и украшенного дешёвым бисером. По виду и форме он напоминал портсигар. Внутри было полдюжины длинных тёмных колючек, острых с одной стороны и закруглённых с другой, — точно таких, какая поразила Бартоломью Шолто.

— Дьявольские иголки, — проговорил Холмс. — Осторожнее, не уколитесь. Я очень рад, что нашёл их. Вряд ли у него с собой есть ещё. Теперь можно не бояться, что такой вот шип продырявит мне или вам кожу. Я скорее соглашусь получить пулю из боевой винтовки. Ну что, Ватсон, вы достаточно бодро себя чувствуете для шестимильного пробега?

— Конечно, — ответил я.

— Нога выдержит?



— Выдержит.

— Поди сюда, Тоби. Поди сюда, хорошая собака. Нюхай, Тоби! Нюхай!

Холмс сунул собаке под нос платок, испачканный креозотом. Расставив свои лохматые ноги и смешно задрав вверх одно ухо, Тоби нюхал платок с видом дегустатора, наслаждающегося букетом старого вина. Холмс бросил платок подальше, привязал толстый шпагат к ошейнику собаки и подвёл её к бочке. Собака немедленно залилась тонким, возбуждённым лаем и, уткнув нос в землю, а хвост задрав вверх, помчалась по следу с такой быстротой, что поводок натянулся, и мы бросились за ней бежать изо всех сил.

Восток стал понемногу бледнеть, и мы уже могли различать предметы вокруг нас в холодных утренних сумерках. Большой, похожий на коробку дом с чёрными провалами окон и высокими голыми стенами высился, печальный и молчаливый, позади нас. Наш путь лежал через парк, между ям и канав, которые пересекали его по всем направлениям. Это место с кучами мусора и земли, с кустами и деревьями, давно не видавшими ножниц садовника, являло вид мрачный и заброшенный, что вполне гармонировало с разыгравшейся здесь трагедией.

Достигнув каменной ограды, Тоби побежал вдоль неё, жалобно и нетерпеливо скуля, пока не остановился наконец в углу, заслонённом от всего парка большим молодым буком. Там, где стены сходились, несколько кирпичей сдвинулось, образуя как бы ступеньки, которые были стёрты и закруглены у наружного края, что говорило о том, что ими часто пользовались. Холмс поднялся по ним и, взяв у меня из рук Тоби, бросил его на землю.

— Здесь есть отпечаток руки человека на деревянной ноге, — сказал он, когда я поднялся к нему. — Видите, слабые пятна крови на белой краске. Какая удача, что со вчерашнего дня не было дождя! Запах остался на дороге, несмотря на то, что они прошли здесь двадцать восемь часов назад.

Признаюсь, у меня были на этот счёт некоторые сомнения, когда я подумал, какое сильное движение бывает на Лондонском шоссе. Но сомнения мои скоро рассеялись. Тоби, ни секунды не колеблясь, побежал вперёд, смешно переваливаясь на ходу. Резкий запах креозота победил на дороге все остальные запахи.

— Не думайте, пожалуйста, — сказал Холмс, — что только благодаря этой случайности пре-

ступники скоро окажутся в наших руках. Я знаю сейчас уже так много, что вижу несколько способов поймать их, но это, конечно, самый лёгкий и быстрый. Было бы глупо им не воспользоваться, раз уж судьба так благосклонна к нам. Но этот счастливый случай оказал мне и плохую услугу: решение перестало быть чисто логическим, каким я вначале представлял его. Тогда бы это дело действительно принесло мне лавры.

— Какие лавры вам ещё нужны, Холмс! Я восхищён вашим дедуктивным методом. Такой блестящий успех! Он затмил даже дело Джеффсона Хоупа. Норвудское дело кажется мне более сложным и загадочным. Объясните мне, например, откуда вам с такой достоверностью известна наружность человека на деревянной ноге?

— А, мой дорогой Ватсон! Ведь это так просто! И это я говорю не из ложной скромности. Два офицера из тюремной охраны становятся обладателями важной тайны. Англичанин, по имени Джонатан Смолл, нарисовал и передал им план, указывающий местонахождение клада. Вы помните, что именно это имя было на плане, найденном в записной книжке капитана Морстена. От имени своих товарищей он подписался с некоторой претензией «знак четырёх». Поль-

зуясь планом, офицеры, а может быть, один из них, завладели кладом и увезли его в Англию, нарушив, как можно догадаться, соглашение, в силу которого этот клад попал им в руки. Можно спросить: почему Джонатан Смолл сам не завладел кладом? И это ясно. Если вы помните, план помечен числом, когда Морстен постоянно общался с заключёнными. Отсюда следует, что Джонатан Смолл вместе со своими приятелями был в то время в тюрьме и, следовательно, сам не мог завладеть сокровищами.

— Это — чистое предположение, — сказал я.

— Больше чем предположение. Это гипотеза, которая объясняет все без исключения факты. Давайте проверим. Майор Шолто живёт спокойно, наслаждаясь сокровищами, находящимися в его безраздельном владении. Потом вдруг он получает из Индии письмо, которое пугает его до полусмерти. Что это письмо могло сообщить?

— То, что человек, с которым поступили несправедливо, выпущен на свободу.

— Или бежал. Что более вероятно, так как майор Шолто, несомненно, знал сроки заключения Джонатана Смолла и его друзей. И если бы срок истёк, его появление не испугало бы его до такой степени. Что же он делает? Он вооружается, ста-

вит в воротах усадьбы надёжную охрану, боясь до умопомрачения человека на деревянной ноге, причём белого. Помните, он, обознавшись, стрелял из револьвера в хромого торговца? Дальше, на плане только одно английское имя. Другие — индусские или магометанские. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что человек на деревянной ноге и есть Джонатан Смолл. Вам пока не кажется, что моё рассуждение грешит против логики?

Rich. Lutschmidt.

— Нет, всё очень ясно и убедительно.

— Хорошо. Тогда давайте поставим себя на место Джонатана Смолла. Посмотрим на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с намерением вернуть себе то, что считает по праву принадлежащим ему, а также отомстить нарушившему соглашение. Он узнаёт, где живёт Шолто, и, по всей вероятности, вступает в контакт с кем-нибудь из слуг. Там есть дворецкий, которого мы ещё не видели, его имя Лал Рао. Миссис Бёрстон отозвалась о нём неодобрительно. Но Смоллу не удалось, однако, найти тайник, где были спрятаны сокровища, потому что никто, кроме самого майора и его преданного слуги, который уже умер, о тайнике не знал. Неожиданно Смолл узнаёт, что майор при смерти. В отчаянии, что тайна клада умрёт вместе с ним, он, каким-то образом обманув бдительность привратника, пробирается в парк и заглядывает в окно спальни умирающего. Только присутствие у постели майора двух его сыновей помешало ему проникнуть внутрь. Обезумев от ярости, он той же ночью пробирается в спальню усопшего, перерывает в ней всё вверх дном в поисках какого-нибудь указания, где хранится сундук с драгоценностями, и оставляет как свидетельство своего визита уже

известный нам «знак четырёх». Без сомнения, он заранее решил, убив майора, оставить возле его тела такую записку в знак того, что это не простое убийство, а месть. Примеров подобного пристрастия к дешёвым эффектам можно встретить немало в анналах преступного мира, и они обычно являются ценным ключом для установления личности преступника. Пока всё ясно?

— Абсолютно всё.

— Хорошо. Что же Джонатану Смоллу остаётся делать? Остаётся только установить секретное наблюдение за домом, где начались поиски сокровищ. Возможно, он жил за пределами Англии и только время от времени наезжал сюда. Затем был обнаружен тайник, и Смолла тотчас уведомили об этом. Здесь опять выступает на сцену его сообщник из домочадцев. Джонатан Смолл со своей деревянной ногой не смог бы забраться в кабинет Бартоломью Шолто, расположенный так высоко. Тогда он находит себе очень странного помощника, который легко взбирается на крышу по водосточной трубе, но попадает босой ногой в креозот, вследствие чего в дело вступает Тоби и отставной хирург с простреленным сухожилием отправляется на шестимильную прогулку.

— Так значит, это не он, а его помощник убил

майора?

— Да. И, судя по следам Смолла в комнате, он был этим очень недоволен. Он не питал ненависти к Бартоломью Шолто и считал, что надо только связать его и заткнуть ему рот. Ему совсем не хотелось лезть в петлю. Но сделанного, как говорится, не воротишь. В его сообщнике проснулись дикие инстинкты, и яд сделал своё дело. Тогда Джонатан Смолл оставил свой «знак четырёх», спустил через окно на землю ларец с сокровищами и ушёл сам. Таков в моём представлении ход событий. Что касается его наружности, то он, конечно, должен быть средних лет и очень смуглым, после стольких лет каторжных работ на Андаманских островах. Рост его легко рассчитывается по длине шага, а о том, что у него есть борода, мы знаем из рассказа Таддеуша Шолто, которого особенно поразило обилие растительности на лице, показавшемся в окне в ночь смерти его отца. Ну вот, собственно, и всё.

— А помощник?

— Ах да, помощник, но и с ним всё так же ясно. Да вы всё скоро узнаете. А как хорошо дышится свежим утренним воздухом! Видите вон то маленькое облачко? Оно плывёт, как розовое перо гигантского фламинго. Красный диск солнца еле

продирается вверх сквозь лондонский туман. Оно светит многим добрым людям, любящим вставать спозаранку, но вряд ли есть среди них хоть один, кто спешит по более странному делу, чем мы с вами. Каким ничтожным кажется человек с его жалкой амбицией и мечтами в присутствии этих стихий! Как поживает ваш Жан Поль?

— Прекрасно! Я напал на него через Карлейля.

— Это всё равно, что, идя по ручью, дойти до озера, откуда он вытекает. Он высказал одну парадоксальную, но глубокую мысль о том, что истинное величие начинается с понимания собственного ничтожества. Она предполагает, что умение оценивать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа. Рихтер даёт много пищи для размышлений. У вас есть с собой пистолет?

— Нет, только палка.

— Возможно, нам понадобится оружие, когда мы сунемся в их логово. Джонатана вы возьмёте на себя. Если же тот, другой, будет сопротивляться, я просто застрелю его.

Холмс вынул свой пистолет и, зарядив его двумя патронами, сунул обратно в правый карман пиджака.

Всё это время след вёл нас то по проселку, то

по шоссе в сторону Лондона, и скоро мы очутились в бесконечном лабиринте улиц предместья, полных уже заводскими рабочими и докерами. Неряшливого вида женщины открывали ставни и подметали ступеньки у входа. В кабачке на углу одной из улиц жизнь уже кипела вовсю, то и дело из него появлялись бородатые мужчины, вытирая рот рукавом после утреннего возлияния. Бродячие собаки провожали нас любопытным взглядом, но наш неподражаемый Тоби не смотрел ни вправо, ни влево, а бежал вперёд, почти касаясь носом земли, и время от времени нетерпеливо повизгивал, чуя горячий след.

Таким образом мы миновали Стритем, Брикстон, Камберуэлл и очутились в районе Кеннингтон-лейн, выйдя окольными путями к восточной стороне Кеннингтонского стадиона. По-видимому, Джонатан Смолл и его страшный помощник специально выбрали этот сложный маршрут, чтобы сбить со следа преследователей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было двигаться в желаемом направлении боковыми улочками. В начале Кеннингтон-лейн они свернули налево и пошли по Бонд-стрит и Майлс-стрит. Там, где последняя улица вливается в Найтс-плейс, Тоби остановился и забегал взад и вперёд,

одно ухо задрав, другое опустив, выражая всем своим видом полное недоумение. Затем он стал кружить на месте, время от времени поглядывая на нас, точно искал у нас сочувствия.

— Что такое творится с собакой? — вскипел Холмс. — Ведь не взяли же они здесь кэб и не улетели отсюда на воздушном шаре?

— Может, они останавливались здесь ненадолго? — предположил я.

— Да, по всей вероятности. Тоби опять взял след, — сказал он с облегчением.

На этот раз Тоби буквально полетел стрелой. Обнюхав всё кругом своим острым носом, он вдруг опять обрёл уверенность и бросился вперёд с такой прытью, какую ещё не проявлял. След, очевидно, был совсем свежий, так как Тоби не только почти зарылся носом в землю, но и рвался с поводка, который теперь мешал ему развить настоящий бег. По блеску глаз Холмса я видел, что конец нашего путешествия, по его мнению, близок.

Мы бежали теперь по Найн-Элмс, оставив позади большой дровяной склад фирмы «Бродерик и Нельсон». У соседней со складом таверны «Белый орёл» Тоби в сильном возбуждении нырнул в калитку, и мы очутились во дворе склада, где

пильщики уже начали свой дневной труд. Тоби, не обращая на них внимания, прямо по стружкам и опилкам выбежал на дорогу, обогнул сарай, проскочил коридор из двух поленниц и наконец с ликующим лаем вскочил на большую бочку, ещё стоявшую на ручной тележке, на которой её сюда привезли. Со свесившимся языком и блестящими глазами Тоби стоял на бочке и торжествующе поглядывал на нас, ожидая похвалы. Вся бочка и колёса тележки были измазаны тёмной густой жидкостью, кругом сильно пахло креозотом.

Мы с Шерлоком Холмсом посмотрели друг на друга и одновременно разразились неудержимым смехом.

Глава VIII
Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит

— Что же теперь делать? — воскликнул я. — Тоби потерял свою непогрешимую репутацию.

— Он действовал в меру своего разумения, — ответил Холмс, снимая Тоби с бочки и уводя его со склада. — Представьте себе, сколько Лондон потребляет в течение дня креозота, так что не удивительно, что наш след оказался пересечённым. Пошла мода пропитывать им дерево. Нет, бедняга Тоби не виноват.

— Значит, вернёмся к начальному следу?

— Да. К счастью, это недалеко. Я теперь понимаю, почему Тоби так растерялся на углу Найтс-плейс. Оттуда в разные стороны убегало два одинаковых следа. Мы попали на ложный. Остаётся вернуться и найти правильный след.

Это было нетрудно. Мы привели Тоби туда, где он ошибся. Он сделал там ещё один круг и бросился совсем в другом направлении.

— Как бы он не привёл нас к месту, откуда эта бочка прикатила, — заметил я.

— Не бойтесь. Видите, Тоби сейчас бежит по тротуару, а ведь тележка ехала по мостовой. Нет, на сей раз мы на верном пути. — След свернул к берегу, позади остались Бельмонт-плейс и Принсис-стрит. В конце Брод-стрит след подошёл прямо к воде, к небольшому деревянному причалу. Тоби вывел нас на самый край и остановился, возбуждённо повизгивая и глядя на тёмную быструю воду внизу.

— Не повезло, — проговорил Холмс. — Здесь они взяли лодку.

К причалу было привязано несколько яликов и плоскодонок. Мы подвели Тоби к каждой, но, как он ни внюхивался, запах креозота исчез.

Неподалёку от этого простенького причала стоял небольшой кирпичный домик. Над его вторым окном висела большая деревянная вывеска со словами «Мордекай Смит», пониже было написано: «Прокат лодок на час или на день». Надпись на двери возвещала, что у хозяина есть паровой катер, о чём красноречиво говорила большая куча кокса у самого берега. Шерлок Холмс огляделся по сторонам, и лицо его помрачнело.

— Дело плохо, — сказал он. — Эти молодчики оказались умнее, чем я предполагал. Кажется, они сумели замести следы. Боюсь, что отступле-

ние было подготовлено заранее.

Он подошёл к домику. Дверь вдруг распахнулась, и на порог выбежал маленький кудрявый мальчишка лет шести, а следом за ним полная, краснощёкая женщина с губкой в руке.

— Сейчас же иди домой мыться, Джек! — кричала женщина. — Какой ты чумазый! Если папа увидит тебя, знаешь, как нам попадёт!

— Славный мальчуган, — начал Холмс наступление. — Какие у проказника румяные щёки! Послушай, Джек, чего ты очень хочешь?

— Шиллин, — ответил он, подумав.

— А может, ещё что-нибудь?

— Два шиллина, — ответил юнец, поразмыслив ещё немного.

— Тогда лови! Какой прекрасный у вас ребенок, миссис Смит!

— Благослови вас Бог, сэр! Такой смышлёный растёт, что и не приведи Господь. Никакого сладу с ним, особенно когда отца нет дома. Как вот сейчас.

— Нет дома? — переспросил Холмс разочарованно. — Очень жаль. Я к нему по делу.

— Он уехал ещё вчера утром, сэр. И я уже начинаю беспокоиться. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу отвязать её.

— Мне бы хотелось взять напрокат катер.

— Катер? Вот ведь какая жалость. Он как раз на нём и ушёл! Поэтому-то я и беспокоюсь. Угля в нём только, чтобы доплыть до Вулиджа и обратно. Если бы на яхте, то я бы ничего не думала. Он ведь иногда и в Грейвсенд уезжает. Даже ночует там, если много дел. Но ведь на баркасе далеко не уедешь.

— Уголь можно купить на любой пристани.

— Можно-то можно, да только он этого не любит. Слишком, говорит, они дерут за уголь… И ещё мне не нравится человек на деревяшке, у него такое страшное лицо, и говорит не по-нашему. Вечно здесь околачивается!

— Человек на деревяшке? — изумлённо переспросил Холмс.

— Ну да, сэр. Такой загорелый, похожий на обезьяну. Это он приходил вчера ночью за моим мужем. А муж мой, как видно, ждал его, потому что катер был уже под парами. Скажу вам прямо, сэр, не нравится мне всё это, очень не нравится.

— Моя дорогая миссис Смит, — сказал Холмс, пожимая плечами, — вы только напрасно волнуете себя. Ну откуда вы можете знать, что ночью приходил не кто-то другой, а именно человек на деревянной ноге? Не понимаю, откуда такая уверенность.

— А голос, сэр? Я хорошо запомнила его голос, он такой хриплый и грубый. Он постучал в окно, было около трёх. «А ну-ка проснись, дружище, — прохрипел он, — пора на вахту». Мой старик разбудил Джима — это наш старший, — и оба они, не сказав мне ни слова, ушли. Ночью было хорошо слышно, как по булыжнику стучит деревяшка.

— А что, этот, на деревяшке, был один?

— Не могу вам сказать, сэр. Больше я ничего не слышала.

— Прошу простить меня за беспокойство, миссис Смит, но мне так нужен был катер. Мне очень рекомендовали его. Как же это он называется?

— «Аврора», сэр.

— Ну да. Такая старая посудина, зелёная с жёлтой полосой и очень широкая в корме.

— Нет, это не он. Наш катер маленький такой, аккуратный. Его только что покрасили в чёрный цвет с двумя красными полосами.

— Спасибо. Уверен, что мистер Смит скоро вернётся. Я хочу прокатиться вниз по реке и, если увижу «Аврору», крикну вашему мужу, что вы волнуетесь. С чёрной трубой, вы сказали?

— Труба чёрная с белой каймой, сэр.

— Ах да, конечно. Это бока чёрные. До свидания, миссис Смит. Я вижу лодочника, Ватсон. Мы переправимся сейчас на ту сторону.

— Самое главное, — начал Холмс, когда мы расположились на снастях ялика, — имея дело с простыми людьми, не давать им понять, что хочешь что-то узнать у них. Стоит им это понять, сейчас же защёлкнут створки, как устрицы. Если же выслушивать их с рассеянным видом и спрашивать невпопад, узнаешь от них всё, что угодно.

— Теперь дальнейший план действий ясен, — сказал я. — Нанять катер и искать «Аврору».

— Друг мой, это было бы невероятно трудной задачей. «Аврора» могла остановиться у любой пристани на том и другом берегу до самого Гринвича. За мостом пойдут бесконечные пристани одна за другой. Целый лабиринт пристаней. Если мы пустимся в погоню одни, они нас дня два-три поводят за нос.

— Так позовите на помощь полицию.

— Нет. Я позову Этелни Джонса разве что в последний момент. Он, в сущности, неплохой человек, и я не хотел бы портить ему карьеру. Но теперь, когда так много сделано, я хочу сам довести дело до конца.

— Может, поместить объявление в газете, чтобы хозяева пристаней сообщили нам, если увидят «Аврору»?

— Нет, это ещё хуже. Наши приятели узнают, что погоня на хвосте, и, чего доброго, удерут из Англии. Я думаю, что покинуть Англию и без того входит в их планы. Но пока опасности нет, они не будут спешить. Расторопность Джонса нам только на пользу. Не сомневаюсь, что его версия обошла уже все газеты и беглецы вполне уверены, что полиция устремилась по ложному следу.

— Что же тогда делать? — спросил я, когда мы причалили возле милбанкского исправительного дома.

— Возьмём этот кэб, поедем домой, позавтракаем и часок поспим. Вполне вероятно, что и эту ночь мы будем на ногах. Кэбмен, остановитесь возле почты. Тоби пока оставим у себя. Он ещё может пригодиться.

Мы вышли у почтамта на Грейт-Питер-стрит, где Холмс послал телеграмму.

— Как вы думаете, кому? — спросил меня Холмс, когда мы опять сели в кэб.

— Не имею представления.

— Вы помните отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, который помог мне расследовать дело Джефферсона Хоупа?

— Помню, — засмеялся я.

— Так вот сейчас опять требуется их помощь. Если они потерпят неудачу, у меня есть ещё помощники. Но сперва я всё-таки испробую их. Эта телеграмма — моему чумазому помощнику Уиггинсу. И я уверен, что он со своей ватагой будет у нас — мы ещё не кончим завтракать.

Было около половины девятого, и я почувствовал, что наступила реакция после такой бурной и полной событий ночи. Нога моя сильно хромала, всё тело ломило от усталости, в голове был туман. У меня не было того профессионального энтузиазма, которым горел мой друг. Не мог я так же относиться к этому из ряда вон выходящему случаю, как к простой логической задаче. Что касается Бартоломью Шолто, убитого прошлой ночью, то я, слыхав о нём мало хорошего, не мог чувствовать сильной неприязни к его убийце. С сокровищами же было дело другое. Эти сокровища, или, вернее, их часть, по праву принадлежали

мисс Морстен. И покуда была надежда разыскать их, я был готов посвятить этому всю мою жизнь. Правда, если я найду их, мисс Морстен, по всей вероятности, будет навсегда для меня потеряна. Но если бы я руководился только такими мыслями, какой же мелкой и себялюбивой была бы моя любовь! Если Холмс не щадил себя, чтобы поймать преступников, то причина, побуждавшая меня заняться поисками сокровищ, была во сто крат сильнее.

Ванна на Бейкер-стрит и чистое белье освежили меня как нельзя лучше. Когда я спустился вниз, завтрак был уже на столе, а Холмс потягивал кофе.

— Смотрите, — сказал он мне, смеясь и протягивая газету, — неукротимый Джонс и вездесущий газетный репортёр сделали доброе дело. Но вы, пожалуй, по горло сыты норвудской историей. Принимайтесь-ка лучше за яичницу с ветчиной.

Я взял у него газету и прочитал небольшую заметку под названием «Загадочное происшествие в Аппер-Норвуде».

Около двенадцати часов прошлой ночью, – писала «Стандард», – мистер Бартоломью Шолто, живший в Понди-

шери-Лодж, в Аппер-Норвуде, был найден мёртвым в своей спальне при обстоятельствах, заставляющих подозревать участие чьей-то преступной воли. На теле мистера Шолто не обнаружено никаких признаков насилия. Но исчезло богатейшее собрание индийских драгоценностей, унаследованное покойным от его отца. Первыми обнаружили преступление Шерлок Холмс и доктор Ватсон, приехавшие в Пондишери-Лодж вместе с братом убитого. По исключительно счастливой случайности, хорошо известный полицейский инспектор мистер Этелни Джонс был в это время в полицейском участке Норвуда и прибыл на место преступления через полчаса после того, как подняли тревогу. Мистер Этелни Джонс с присущим ему профессиональным мастерством сейчас же взялся за дело, и результаты не замедлили сказаться: арестован брат покойного Таддеуш Шолто, а также экономка миссис Бёрстон, дворецкий Лал Рао, по национальности индус, и привратник по имени Мак-Мурдо. Нет сомнения, что вор

или воры хорошо знакомы с расположением дома, ибо, как твёрдо установлено мистером Джонсом, известным своей исключительной наблюдательностью и знанием преступного мира, негодяи не могли проникнуть в комнату ни в дверь, ни в окно, а только по крыше дома, через слуховое окно и чердак, сообщающийся с кабинетом мистера Шолто, где было найдено тело. Этот факт, который был установлен со всей тщательностью, непреложно свидетельствует о том, что мы имеем дело не со случайными грабителями. Быстрые и эффективные действия представителей закона лишний раз демонстрируют, как полезно присутствие на месте подобных преступлений человека с энергичным, проницательным умом. Мы считаем, что этот случай подтверждает правоту тех, кто держится мнения, что наша полиция должна быть более децентрализована. Тогда дела будут расследоваться более быстро и тщательно.

— Не правда ли, великолепно! — улыбнулся

Холмс, отпивая из чашки кофе. — Что вы на это скажете?

— Скажу, что мы с вами едва избежали ареста как соучастники преступления.

— И я так думаю. Если его обуяет ещё один приступ неукротимой деятельности, не миновать нам участи Таддеуша Шолто.

В этот миг в прихожей раздалось громкое звяканье колокольчика, вслед за ним испуганный голос нашей хозяйки, уговаривающей кого-то.

— Боже мой, Холмс, — сказал я, вставая, — никак это действительно они!

— Нет, до этого ещё не дошло. Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит.

Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек. Несмотря на шумное вторжение, было заметно всё-таки, что это отряд, подчиняющийся дисциплине, так как мальчишки немедленно выстроились в ряд и нетерпеливо воззрились на нас. Один из них, повыше и постарше других, выступил вперёд с видом небрежного превосходства. Нельзя было без смеха смотреть на это чучело, отнюдь не внушающее доверия.

— Получил вашу телеграмму, сэр, — сказал он. — И привёл всех. Три шиллинга и шесть пенсов на билеты.

— Пожалуйста, — сказал Холмс, протянув несколько монет. — В дальнейшем, Уиггинс, они будут докладывать тебе, а ты мне. Я не могу часто подвергать мой дом такому вторжению. Но сейчас даже хорошо, что пришли все. Послушаете мои инструкции. Нужно установить местонахождение парового катера «Аврора», хозяин которого Мордекай Смит. Катер чёрный с двумя красными полосами. Труба тоже чёрная с белой каймой. Он затерялся где-то на реке. Я бы хотел, чтобы один из вас дежурил возле причала Смита — это напротив милбанкского исправительного дома — на случай, если катер вернётся. Распределите между собой обязанности и обыщите оба берега. Если что-нибудь узнаете, немедленно сообщите мне. Ясно?

— Да, начальник, — ответил Уиггинс.

— Условия прежние, и нашедшему катер — гинея. А это за день вперёд. Ну, а теперь за работу! — Холмс каждому вручил шиллинг, мальчишки застучали голыми пятками по лестнице и высыпали на улицу.

— Эти «Аврору» из-под земли достанут, — сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола и зажигая трубку. — Они всюду пролезут, всё увидят, всё услышат. Я уверен, что уже к вечеру мы будем

знать, где «Аврора». А пока ничего не остаётся, как ждать. След оборвался, и мы не возьмём его, пока не найдём «Аврору» или хотя бы её хозяина.

— Эти остатки доест Тоби. Вы ляжете отдохнуть, Холмс?

— Нет, я не устал. У меня странный организм. Я не помню случая, чтобы работа утомляла меня. Зато безделье меня изнуряет. Я покурю и подумаю над этим необыкновенным делом, которым мы обязаны нашей белокурой клиентке. Конец представляется мне чрезвычайно лёгким. Людей с деревянной ногой не так уж много, а Номер Первый — просто уникальный экземпляр.

— Опять этот таинственный Номер Первый!

— Я отнюдь не хочу делать из него тайны, тем более от вас. Но помилуйте, Ватсон, у вас уже должно было сложиться о нём определённое мнение. Давайте ещё раз вспомним все его приметы. Маленькая нога, пальцы которой никогда не знали ботинок, ходит босиком, деревянная палка с каменным наконечником, очень ловок, мал ростом, отравленные шипы. Какой вы делаете из этого вывод?

— Дикарь! — воскликнул я. — Возможно, один из тех индусов, кто был в компании с Джонатаном Смоллом.

— Ну, едва ли, — возразил Холмс. — Когда я первый раз увидел его следы, я подумал было то же самое, но потом моё мнение о нём переменилось. Среди населения полуострова Индостан есть низкорослые племена, но таких маленьких ног вы там не найдёте. У собственно индусов ступни ног узкие и длинные. Магометане носят сандалии, и большой палец у них, как правило, отстоит от других, потому что отделён ремешком. Эти маленькие стрелы могут быть выпущены только одним путём. Из трубки, в которую дуют. Ну, как по-вашему, откуда наш дикарь?

— Южная Америка, — сказал я наудачу.

Холмс протянул руку и снял с полки толстую книгу.

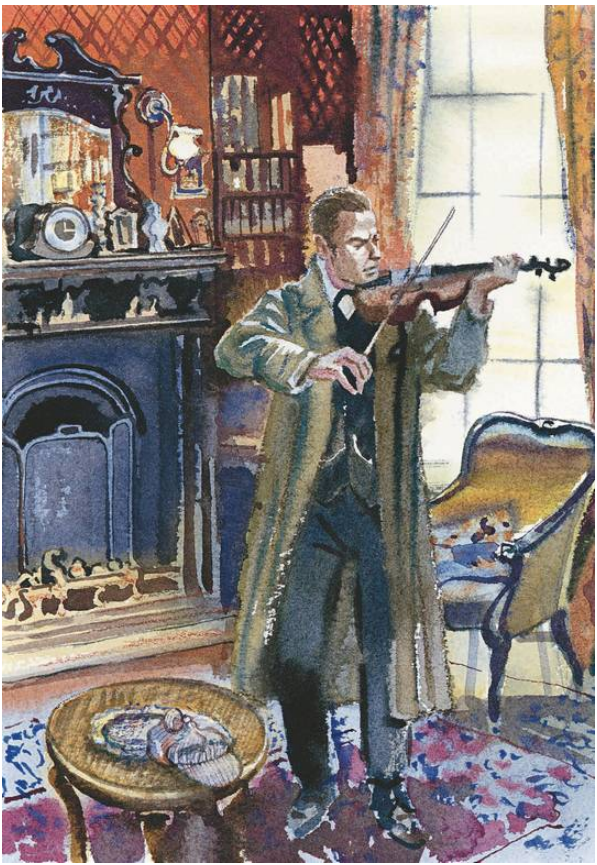
— Это первый том географического справочника, издающегося сейчас. Можно считать его последним словом географической науки. Посмотрим, что здесь есть для нас интересного. Андаманские острова. Расположены в Бенгальском заливе в трёхстах сорока милях к северу от Суматры. Хм-хм… Ну, а что дальше? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, Порт-Блэр, каторжная тюрьма, остров Ратленд… Ага, нашёл: «Аборигены Андаманских островов могут, пожалуй, претендовать на то, что они самое

низкорослое племя на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки, американским индейцам племени диггер и аборигенам Огненной Земли. Средний рост взрослого около четырёх футов, хотя встречаются отдельные экземпляры гораздо ниже. Это злобные, угрюмого вида люди, почти не поддающиеся цивилизации, но зато они способны на самую преданную дружбу». Обратите на это особенное внимание, Ватсон. Слушайте дальше: «Они очень некрасивы. У них большая, неправильной формы голова, крошечные, злые глазки и отталкивающие черты лица. Руки и ноги у них замечательно малы. Они так злобны и дики, что все усилия английских властей приручить их всегда кончались неудачей. Они всегда были грозой потерпевших кораблекрушение. Захваченных в плен они обычно убивают дубинками с каменным наконечником или отравленными стрелами. Побоище, как правило, заканчивается каннибальским пиршеством». Какие милые, располагающие к себе люди, не правда ли, Ватсон? Если бы этот красавчик имел возможность действовать по собственному усмотрению, дело могло бы принять ещё более страшный оборот. Думается мне, что Джонатан Смолл не очень-то

охотно прибег к его помощи.

— Но откуда у него этот странный партнёр?

— Не могу вам сказать. Но поскольку, как нам известно, Джонатан Смолл прибыл в Англию не откуда-нибудь, а с Андаманских островов, то особенно удивляться тому, что среди его знакомых есть тамошние жители, не приходится. Несомненно, что со временем мы будем знать всё подробно. Послушайте, Ватсон, у вас чертовски плохой вид. Ложитесь-ка на тот диван, и посмотрим, как скоро я сумею усыпить вас.



Он взял из угла свою скрипку. Я растянулся на диване, и он заиграл тихую, медленную, навевающую дремоту мелодию, без сомнения его собственную: у Шерлока Холмса был неподражаемый талант импровизатора. Я смутно вспоминаю его тонкую, худую руку, серьёзное лицо и взмахи смычка. Потом мне стало казаться, что я мирно уплываю куда-то по морю звуков, и вот я уже в стране снов и надо мной склонилось милое лицо Мэри Морстен.

Глава IX
Разрыв в цепи

Когда я проснулся, день уже клонился к вечеру. Я чувствовал себя окрепшим и полным энергии. Сон вернул мне силы. Шерлок Холмс сидел всё на том же месте, только скрипки у него в руках не было. Услыхав, что я шевелюсь, он посмотрел в мою сторону, лицо у него потемнело и выражало тревогу.

— Вы так крепко спали, — сказал он, — а я боялся, что мы разбудим вас своим разговором.

— Нет, я ничего не слыхал, — ответил я. — Есть какиенибудь новости?

— К сожалению, нет. И должен признаться, что я удивлён и разочарован. Я рассчитывал к этому времени уже узнать что-то определённое. Только что прибегал Уиггинс. Он сказал мне, что никаких следов катера нигде нет. Досадное промедление, когда дорога каждая минута.

— Не могу ли я помочь чем-нибудь? Я чувствую себя вполне отдохнувшим и готов ещё одну ночь провести на ногах.

— Нет, сейчас делать нечего. Ждать — вот всё,

что нам осталось. Если мы уйдём, в наше отсутствие может прибыть долгожданное известие, и опять будет задержка. Располагайте собой как хотите, а я останусь здесь, на посту.

— Тогда я съезжу в Камберуэлл, навещу миссис Сесил Форрестер. Она просила меня вчера зайти.

— Миссис Сесил Форрестер? — переспросил Холмс, и в его глазах блеснула искорка смеха.

— И мисс Морстен тоже, само собой разумеется. Им так хотелось, чтобы я пришёл и рассказал, что будет дальше!

— Я бы не стал им рассказывать всего. Женщинам никогда нельзя доверять полностью, даже лучшим из них.

Я не стал оспаривать это вопиющее заявление, а только заметил, что вернусь часа через два.

— Прекрасно! Счастливого пути. Да, вот что, если уж вы отправляетесь через реку, захватите с собой Тоби. Я думаю, он нам теперь не понадобится.

Я сделал, как сказано, и отдал его старому натуралисту с Пинчин-лейн вместе с полсовереном. Оттуда я поехал прямо в Камберуэлл. Мисс Морстен ещё не оправилась от переживаний прошлого вечера, но была полна любопытства. И миссис Форрестер жаждала узнать дальней-

ший ход событий. Я рассказал им всё, как было, опустив только самые ужасные подробности. Рассказывая о смерти мистера Шолто, я умолчал о деталях убийства. Но, несмотря на сокращения, мой рассказ всё-таки сильно поразил и разволновал их.

— Как в романе! — воскликнула миссис Форрестер. — Принцесса — жертва несправедливости, клад с драгоценностями, чернокожий каннибал, разбойник на деревянной ноге. Это вместо традиционного дракона или какого-нибудь коварного графа.

— И два странствующих рыцаря-спасителя, — прибавила мисс Морстен и ясными глазами посмотрела в мою сторону.

— Послушайте, Мэри, ведь от исхода поисков зависит ваша судьба. Мне кажется, что вы не подумали об этом и поэтому так равнодушны. Только вообразите, что значит быть богатой и чтобы весь мир был у твоих ног.

Сердце моё радостно забилось, когда я увидел, что мисс Морстен не проявила никакого восторга по поводу блестящих возможностей, открывающихся ей. Наоборот, она небрежно тряхнула своей гордой головкой, как будто эти сокровища не имели к ней отношения.

— Меня очень беспокоит судьба мистера Таддеуша Шолто, — сказала она. — Всё остальное неважно. Он был так добр и благороден. Наш долг сделать так, чтобы с него сняли это ужасное, несправедливое обвинение.

Когда я покинул дом миссис Форрестер, уже сильно смеркалось. На Бейкер-стрит я вернулся, когда было совсем темно. Книга и трубка моего друга лежали в его кресле, но его самого не было. Я поискал записку, но не нашёл.

— Что, мистер Холмс вышел куда-нибудь? — спросил я хозяйку, когда она вошла в комнату, чтобы опустить шторы.

— Нет, он ушёл к себе. Знаете, мистер Ватсон, — тут хозяйка перешла на многозначительный шёпот, — я боюсь, что он нездоров.

— Почему вы так думаете?

— Очень он сегодня странный. Как только вы ушли, он стал ходить по комнате туда-сюда, туда-сюда, я слушать и то устала эти бесконечные шаги. Потом он стал разговаривать сам с собой, бормотал что-то. И всякий раз, как брякал звонок, выходил на площадку и спрашивал: «Что там такое, миссис Хадсон?» А потом пошёл к себе и хлопнул дверью, но и оттуда всё время слышно, как он ходит. Хоть бы он не заболел. Я предло-

жила ему успокаивающее лекарство, но он так посмотрел на меня, что я не помню, как и убралась из его комнаты.

— Думаю, миссис Хадсон, что особенных причин для беспокойства нет, — сказал я. — Я не раз видел его в таком состоянии. Он сейчас решает одну небольшую задачу и, конечно, волнуется.

Я говорил с нашей хозяйкой самым спокойным тоном, но, признаться, и сам начал тревожиться о состоянии моего друга, когда, просыпаясь несколько раз ночью, всё время слышал за стеной глухой стук его шагов. Я понимал, какой вред может причинить его деятельному уму это вынужденное бездействие.

За завтраком Холмс выглядел осунувшимся и усталым. На щеках лихорадочно горели два пятнышка.

— Вы не жалеете себя, Холмс, — заметил я. — Вы ведь всю ночь, я слыхал, не прилегли ни на часок.

— Я не мог спать, — ответил он. — Это проклятое дело изводит меня. Застрять на месте из-за какого-то пустяка, когда так много сделано, это уже слишком. Я знаю преступников, знаю их катер, знаю всё. И ни с места. Я пустил в ход весь мой арсенал. Вся Темза, оба её берега обшарены

вдоль и поперёк, и никаких следов проклятой «Авроры». Ни её, ни её хозяина. Можно подумать, что они затопили катер. Хотя есть факты, говорящие против.

— Может быть, миссис Смит направила нас по ложному следу?

— Нет, это исключается. Я навёл справки. Катер с такими приметами существует.

— Может, он поднялся вверх по реке?

— Я и это учёл. Сейчас ведутся поиски до самого Ричмонда. Если сегодня не будет новостей, я завтра выеду сам. И буду искать не катер, а людей. Но я всё-таки уверен, абсолютно уверен, что известие придёт.

Однако оно не пришло. Ни от Уигинса, ни из других источников. Газеты продолжали печатать сообщения о норвудской трагедии. Все они были настроены враждебно к бедному Таддеушу Шолто. Ни в одной из газет не сообщалось ничего нового, не считая того, что дознание было назначено на завтра.

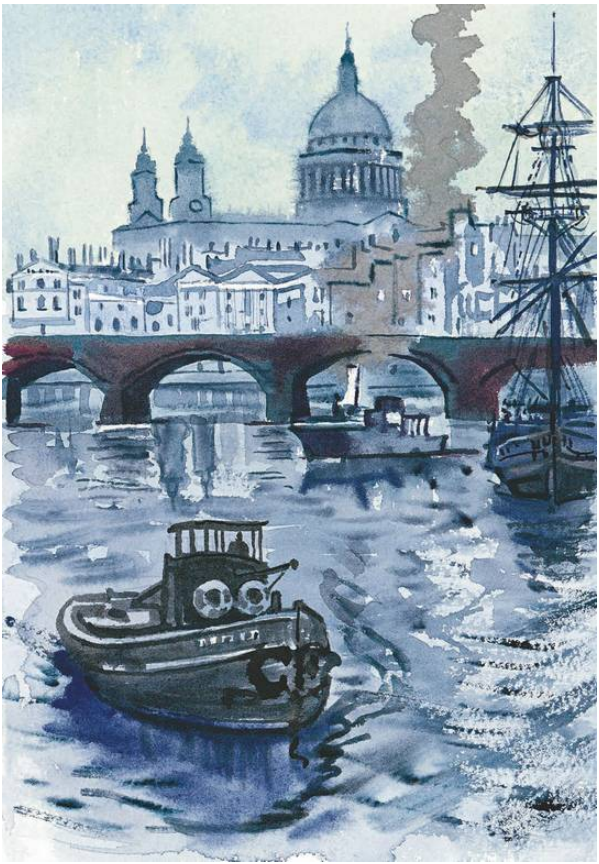
Вечером я опять побывал в Камберуэлле и рассказал о нашем невезении. Вернувшись, я застал Холмса в самом мрачном расположении духа. Он едва отвечал на мои вопросы и ставил весь вечер какие-то сложнейшие химические опыты. Нагре-

вал реторты, дистиллировал воду и развёл под конец такую вонь, что я чуть не убежал из дому. До рассвета я слышал, как он звенит пробирками и колбами, занимаясь своими ароматными экспериментами.

Проснулся я рано утром, как будто кто-то толкнул меня. Надо мной стоял Холмс, одетый, к моему удивлению, в грубую матросскую робу. На нём был бушлат, и вокруг шеи повязан грубый красный шарф.

— Я отправляюсь на поиски вниз по реке, Ватсон, — сказал он мне. — Я много думал над моим планом и считаю, что попытаться стоит.

— Я тоже поеду с вами.



— Нет, вы мне поможете гораздо больше, если останетесь здесь. Я ухожу неохотно. В любую минуту может прийти долгожданное известие, хотя Уиггинс, как я заметил вчера вечером, совсем упал духом. Прошу вас вскрывать все телеграммы и письма, адресованные мне. И если прочтёте что-нибудь важное, действуйте по собственному усмотрению. Могу я положиться на вас?

— Вполне.

— Боюсь, что мне нельзя будет послать телеграмму, потому что я и сам ещё не знаю, где в какое время я буду. Но если мне повезёт, я вернусь скоро. И уж конечно, не с пустыми руками.

Всё утро и во время завтрака от Холмса не было никаких известий. Открыв «Стандард», я нашёл, однако, сообщение, отличающееся от прежних. Газета писала:

> *Что касается трагедии в Аппер-Норвуде, то дело может оказаться куда более сложным и загадочным, чем показалось сначала. Как только что установлено, мистер Таддеуш Шолто абсолютно непричастен к смерти брата. Он и экономка миссис Бёрстон вчера вечером выпущены на свободу. Как сообщают,*

полиция располагает данными, позволяющими установить личность настоящих преступников. Расследование дела находится в надёжных руках полицейского инспектора из Скотленд-Ярда мистера Этелни Джонса, известного своей энергией и проницательностью. Преступники каждую секунду могут быть арестованы.

«Ну, слава богу, — подумал я. — По крайней мере, наш друг Шолто на свободе. Что же это за „данные“, интересно? Впрочем, так всегда пишут, когда полиция садится в лужу».

Я бросил газету на стол, и вдруг в глаза мне бросилось объявление в колонке происшествий. В нём говорилось:

Разыскиваются пропавшие: Мордекай Смит и его сын Джон, покинувшие причал Смита около трёх часов ночи во вторник на катере «Аврора». Катер чёрный с двумя красными полосами, труба чёрная с белой каймой. Вознаграждение – пять фунтов тому, кто сообщит о местонахождении вышеупомянутого Смита и катера «Аврора» его жене миссис Смит, причал

Смита, или на Бейкер-стрит, 221-б.

Адрес говорил, что объявление помещено Холмсом. «Хитро составлено, — подумал я. — Беглецы увидят в нём только естественное беспокойство жены, разыскивающей мужа».

День тянулся очень долго. Всякий раз, как стучали в дверь или снаружи раздавались чьи-то громкие шаги, я настораживался, ожидая, что

это или вернулся Холмс, или пришли с ответом на объявление. Я пытался читать, но мысли мои неотступно вращались вокруг этого странного преступления и его странных участников, за которыми мы охотились. А вдруг в рассуждения моего друга вкралась роковая ошибка и он стал жертвой чудовищного самообмана? Вдруг его точный логический ум построил эту фантастическую версию на ложных посылках? Я не знал случая, когда бы Шерлок Холмс ошибся, но ведь даже самый сильный ум один раз может ошибиться. Его могла ввести в заблуждение слишком уж изощрённая логика. Он предпочитал странные, хитроумные объяснения, отбрасывая прочь более простые и естественные, находившиеся под рукой. Но, с другой стороны, я сам был очевидцем происшедшего, своими ушами слышал доводы Холмса. Проследив в который раз с самого начала всю длинную цепь странных событий, многие из которых сами по себе могли бы показаться пустяком, я должен был признать, что если Холмс и заблуждается, то истина всё равно лежит где-то в области удивительного и маловероятного.

В три часа пополудни послышалось резкое звяканье колокольчика, в прихожей раздался чей-то властный голос, и, к моему удивлению, в комнату

вошёл не кто иной, как мистер Этелни Джонс собственной персоной. Но как не походил он сегодня на того высокомерного и бесцеремонного поборника здравого смысла, который с таким непререкаемым апломбом взялся расследовать норвудскую трагедию! Лицо у него было понурое, весь он как-то обмяк, а в его осанке появилось даже что-то просительное.

— Добрый день, сэр, добрый день, — проговорил он. — Мистера Холмса, как я вижу, нет дома?

— Нет. И я не знаю, когда он придёт. Но, может быть, вы подождёте его? Садитесь в это кресло. Вот вам сигары.

— Благодарю вас. Я и правда подожду, — сказал он, вытирая лицо красным в клетку носовым платком.

— Виски с содовой хотите?

— Э-э, полстакана. Слишком жаркая стоит погода для сентября. К тому же нет конца всяким волнениям. Вы ведь знаете мою норвудскую версию?

— Помню, вы излагали её.

— Ну вот, я был вынужден её пересмотреть. Я так ловко подвёл сеть под мистера Шолто, так крепко её затянул, и вдруг — бац! — в сети оказалась дырка, и он ушёл. У него неоспоримое

алиби. С той минуты, как за ним захлопнулась дверь комнаты брата, его видели то здесь, то там, словом, он ни на одну секунду не оставался один. И не мог поэтому ни влезть на крышу, ни проникнуть на чердак сквозь слуховое окно. Это очень тёмное дело, и мой профессиональный престиж поставлен на карту. Я был бы очень рад небольшой помощи.

— Все мы нуждаемся иногда в помощи, — заметил я.

— Ваш друг мистер Шерлок Холмс — выдающаяся личность, сэр, — сказал он доверительно осипшим голосом. — Он человек, не знающий поражений. Мне-то известно, в скольких делах участвовал этот молодой человек, и всегда ему удавалось докопаться до истины. Он несколько непоследователен в своих методах и, пожалуй, чересчур торопится делать выводы, но вообще, я думаю, он мог бы стать самым выдающимся сыщиком Скотленд-Ярда, и готов заявить это кому угодно. Сегодня утром я получил от него телеграмму, из которой ясно, что у него есть свежие факты по этому делу. Вот телеграмма.

Он вынул её из кармана и протянул мне. Она была послана в двенадцать часов из Поплара. «Немедленно идите на Бейкер-стрит, — писал

Холмс. — Если я не успею вернуться, подождите меня. Следую по пятам норвудской парочки. Если хотите участвовать в финише, можете присоединиться к нам».

— Хорошие новости! Значит, Холмс опять напал на их след, — сказал я.

— Ага, значит, и он допустил промах! — воскликнул с явным удовольствием Джонс. — Даже лучшим из нас свойственно ошибаться. Конечно, эта телеграмма может оказаться ложной тревогой, но мой долг инспектора Скотленд-Ярда не упускать ни одного шанса. Я слышу шаги. Возможно, это Холмс.

На лестнице послышалось тяжёлое шарканье ног, сильное пыхтение и кашель, как будто шёл человек, для которого дышать было непосильным трудом. Один или два раза он останавливался. Но вот наконец он подошёл к нашей двери и отворил её. Его внешность вполне соответствовала звукам, которые доносились до нас. Это был мужчина преклонных лет в одежде моряка — старый бушлат был застёгнут до подбородка. Спина у него была согнута, колени дрожали, а дыхание было затруднённое и болезненное, как у астматика. Он стоял, опершись на толстую дубовую палку, и его плечи тяжело поднимались, набирая

в лёгкие непослушный воздух. На шее у него был цветной платок, лица, обрамлённого длинными седыми бакенбардами, почти не было видно, только светились из-под белых мохнатых бровей тёмные умные глаза. В общем, он произвёл на меня впечатление почтенного старого моряка, впавшего на склоне лет в бедность.

— Чем можем вам служить, папаша? — спросил я.

Он обвёл комнату медленным взглядом старика.

— Мистер Шерлок Холмс дома? — спросил он.

— Нет. Но я его заменяю. Вы можете рассказать мне всё, что хотели рассказать ему.

— А я хочу видеть самого Шерлока Холмса, — упрямо повторил старик.

— Но я же вам говорю, что я его заменяю. Вы пришли по поводу катера Смита, конечно?

— Да, я знаю, где он. Ещё я знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, где сокровища. Я всё знаю!

— Расскажите мне; это всё равно, что рассказать Холмсу.

— Нет, я должен рассказать только ему самому, — твердил наш гость со стариковским упрямством и раздражительностью.

— Тогда подождите его.

— Не хочу ждать. Не хочу даром терять день ни ради кого. Если мистера Холмса нет, пусть себе всё узнаёт сам. А вам я ничего не скажу, больно мне ваши физиономии не нравятся.

Он поковылял к двери, но Джонс обогнал его.

— Подожди, приятель, — сказал он. — У тебя есть важные сведения, и ты не уйдёшь отсюда. Придётся тебе подождать, хочешь ты или нет, нашего друга Холмса.

Старик рванулся к двери, но Этелни Джонс заслонил её своей широкой спиной, и старик понял, что сопротивление бесполезно.

— Хорошенькое обращение с гостем, — сказал он, стуча палкой. — Я пришёл сюда, чтобы поговорить с мистером Холмсом. А вы двое набросились на меня, хотя я вас знать не знаю. Хорошенькое обращение с человеком!

— Вам не сделают ничего плохого, — сказал я. — Садитесь сюда на диван и подождите. Холмс очень скоро вернётся.

Он мрачно подошёл к дивану и сел, подперев ладонями свою большую голову. Мы с Джонсом снова взяли наши сигары и продолжили разговор.

Вдруг голос Холмса оборвал нас на полуслове:

— Могли бы предложить сигару и мне.

Мы так и подпрыгнули в креслах. Прямо перед нами сидел Холмс и довольно улыбался.

— Холмс! — воскликнул я. — Вы здесь? А где же старик?

— Вот он, — ответил Холмс, протягивая в руке копну белых волос. — Вот он весь — бакенбарды, парик, брови. Я знал, что мой маскарад удачен, но не предполагал, что он выдержит такое испытание.

— Вот это класс! — с искренним восхищением воскликнул Джонс. — Из вас вышел бы отличный актер, первосортный! Вы кашляете точь-в-точь как постоялец работного дома. А за ваши дрожащие колени можно дать десять фунтов в неделю. Мне, правда, показался знакомым блеск глаз. Но уйти вы всё-таки от нас не смогли.

— Я работал в этом маскарадном костюме весь день, — сказал он, зажигая сигару. — Видите ли, преступный мир уже довольно хорошо знает меня, особенно после того, как мой друг, сидящий здесь, взялся за перо. Так что я теперь могу появляться на передовых позициях только в переодетом виде. Вы получили мою телеграмму?

— Да, поэтому-то я здесь.

— Как подвигается ваша версия?

— Лопнула. Мне пришлось отпустить двух моих пленников, а против остальных двух нет ни одной улики.

— Не расстраивайтесь. Мы вам дадим парочку других взамен. Я только прошу вас на время целиком подчиняться мне, действовать по выработанному мной плану. Согласны? Конечно, вся заслуга в этом деле будет официально признана за вами.

— Согласен, если вы поможете мне взять этих двоих.

— Тогда, во-первых, мне необходима быстроходная посудина — полицейский моторный катер. К семи часам у Вестминстерского причала.

— Будет сделано. Там всегда дежурит полицейская лодка. Но пожалуй, мне лучше пойти через дорогу и позвонить для верности.

— Затем два полицейских посильнее на случай сопротивления.

— В катере всегда есть два или три человека.

— Когда мы их возьмём, у нас в руках окажутся сокровища. Я думаю, мой друг будет очень рад доставить сундучок одной молодой леди, которой по праву принадлежит половина. Пусть она первая откроет его. А, Ватсон?

— Мне это было бы очень приятно.

— Нарушение процедуры, но дело такое необычное, что можно будет закрыть глаза. Но потом клад надо передать властям до окончания

следствия.

— Конечно. Это будет легко сделать. Ещё один момент. Мне бы очень хотелось услыхать о некоторых подробностях из уст самого Джонатана Смолла. Вы знаете, я люблю выяснять всё до конца. Не будет возражений, если я с ним неофициально встречусь здесь, у меня, или в каком-нибудь другом месте, конечно под надёжной охраной?

— Вы хозяин положения, вам и карты в руки. Но у меня до сих пор нет никаких доказательств существования этого самого Джонатана Смолла. Однако если вы мне представите его, я не смогу отказать вам в вашей просьбе.

— Значит, решено?

— Решено. Ещё что?

— Это уже последнее: я хочу, чтобы вы пообедали с нами. У нас есть устрицы, пара куропаток и небольшой выбор белых вин. Нет, Ватсон, вы не умеете ценить мои достоинства домашней хозяйки.

Глава X
Конец островитянина

Обед проходил очень оживлённо. Холмс, когда хотел, мог быть исключительно интересным собеседником. А в тот вечер он был в ударе — сказалось сильное нервное возбуждение. Я никогда прежде не видел его таким разговорчивым. Он говорил о средневековой керамике и о мистериях; о скрипках Страдивари; о буддизме Цейлона и о военных кораблях будущего. И говорил так, будто был специалистом в каждой области. Эта яркая вспышка была реакцией живого ума после мрачного уныния, которое завладело им накануне. Этелни Джонс в свободную от дел минуту оказался очень общительным человеком и за обедом доказал, что знает толк в жизненных радостях. Я тоже был в приподнятом настроении, предчувствуя конец дела и заразившись весельем Холмса. Никто из нас за весь вечер не упомянул о причине, которая собрала нас вместе.

Когда убрали со стола, Холмс посмотрел на часы и разлил в бокалы портвейн.

— Давайте выпьем, — сказал он, — за успех

нашей маленькой вылазки. А теперь пора идти. У вас есть оружие, Ватсон?

— Мой старый боевой пистолет. Он в ящике стола.

— Возьмите его с собой. Это необходимо. Я вижу, что кэб уже у двери, он был заказан на половину седьмого.

У Вестминстерского причала мы были в семь с небольшим. Катер уже ждал нас. Холмс оглядел его критически.

— Есть на нём что-нибудь, что выдавало бы его принадлежность полиции? — спросил он.

— Да. Зелёный фонарь сбоку.

— Тогда снимите его.

Всё было сделано мгновенно, мы вошли на катер и отчалили. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один полицейский стоял у руля, другой следил за топкой, впереди расположились два дюжих полисмена.

— Куда? — спросил Джонс.

— К Тауэру. Прикажите им остановиться напротив Джекобсон-Ярда.

Наше судёнышко оказалось очень быстроходным. Мы промчались мимо вереницы гружёных барж, как будто они не плыли, а стояли на месте. Когда мы догнали и оставили позади речной

пароход, Холмс удовлетворённо улыбнулся.

— Можно подумать, что наш катер — самое быстроходное судно на реке, — заметил он.

— Ну, это вряд ли. Но катеров быстрее этого, пожалуй, найдётся немного.

— Мы должны догнать «Аврору». А она слывёт быстроходным судном. Сейчас я введу вас, Ватсон, в курс дела. Вы помните, как меня угнетала эта нелепая задержка.

— Помню.

— Так вот, я решил дать голове полный отдых и занялся химическими опытами. Один из наших великих государственных мужей сказал как-то, что перемена занятия — лучший отдых. И это правильно. Когда мне удалось наконец разложить углеводород, я вернулся к нашей загадке и всё заново обдумал. Моя команда мальчишек обшарила всю реку не один раз, и безрезультатно. «Авроры» нигде не было — ни на причалах, ни дома. Вряд ли они затопили её, чтобы замести следы. Хотя и эту возможность следует иметь в виду, если поиски в конце концов не приведут ни к чему. Я знал, что этот Смолл довольно хитёр, но я думаю, что какая-нибудь особенно утончённая хитрость ему не по плечу. Её ожидаешь, как правило, от человека образованного. Дальше,

нам известно, что он жил несколько времени в Лондоне, вёл наблюдение за Пондишери-Лодж, а это значит, что покинуть пределы Англии он сразу же не мог; чтобы уладить дела, нужно время — день, а может, на наше счастье, и больше. Такой, по крайней мере, напрашивается вывод.

— Вывод довольно слабый, — заметил я. — Он мог всё уладить и до нападения на Пондишери-Лодж.

— Нет, не думаю. Он очень дорожит своим убежищем, где можно отлежаться в случае опасности, и покинет его только тогда, когда будет в полной уверенности, что ему совсем ничего не грозит. И вот ещё что пришло мне в голову: Джонатан Смолл должен был понимать, что необычная внешность его помощника, как бы ни старался он замаскировать его, может вызвать всякие толки, и, возможно, кое-кто догадается связать его с норвудской трагедией. Он достаточно умён, чтобы понимать это. Итак, они покинули свою штаб-квартиру ночью, под покровом темноты. И конечно, лучшим вариантом было бы вернуться до света. Но «Аврора» отошла от причала, по словам миссис Смит, когда был уже четвёртый час. В это время совсем светло, через час-другой на улицах появится народ. На осно-

вании этого я сделал вывод, что они не должны уйти далеко. Они хорошо заплатили Смиту, чтобы он держал язык за зубами, наняли его катер до окончательного исчезновения и поспешили с кладом в своё логово. Они решили выждать пару деньков, чтобы узнать из газет, в каком направлении пошло следствие и нет ли за ними слежки. И тогда уже опять под покровом темноты идти в Грейвсенд или куда-нибудь в Даунс. Они, несомненно, заранее позаботились заказать места на какой-нибудь корабль, уходящий в Америку или колонии.

— А как же катер? Не могли же они захватить его в своё логово?

— Конечно, не могли. А это значит, что «Аврора», несмотря на неуловимость, находится где-то совсем рядом. Я поставил себя на место Смолла и постарался взглянуть на дело его глазами. По всей вероятности, он решил, что отпустить «Аврору» или поставить у ближайшего причала опасно: вдруг полиция всё-таки напала на их след. Куда же деть «Аврору», чтобы она была невидима для всех, а для него досягаема в любую минуту? Что бы сделал я, случись мне решать такую задачу? И я увидел одну-единственную возможность. Надо поставить её в какой-нибудь док для мелкого

ремонта. Там она будет надёжно укрыта от посторонних глаз и всегда готова к отплытию.

— Как просто!

— В том-то и дело, что простое объяснение всегда приходит в голову в последнюю очередь. Когда я это сообразил, я решил немедленно действовать и, приняв обличье безобидного старого матроса, отправился вниз по Темзе осматривать доки. В пятнадцати доках об «Авроре» никто и не слыхал. Зато в шестнадцатом я был вознаграждён за терпение: мне сказали, что «Аврору» два дня назад поставил к ним человек на деревянной ноге и попросил проверить руль. «Но руль оказался в полном порядке, — сказал мне корабельный мастер. — Вон она там стоит, чёрная с красными полосами». Не успел он это сказать, как в доке появился не кто иной, как сам пропавший хозяин «Авроры» Мордекай Смит. Я бы, конечно, не узнал его, но он, будучи основательно пьян, орал во всю глотку, что он хозяин «Авроры». Мордекай Смит требует, чтобы его посудина была готова сегодня к восьми часам. «Ровно к восьми, — повторил он, — я обещал двум джентльменам, которые не любят ждать». Они, по-видимому, хорошо заплатили ему, потому что он швырял шиллинги налево и направо. Я несколько време-

ни шёл было за ним, но он юркнул в первый же кабачок. Тогда я пошёл обратно в док. По дороге случайно встретил одного из мальчишек и поставил его наблюдать за «Авророй». Увидев, что она отчаливает, он начнёт махать платком. Мы тем временем будем караулить их на реке. И как только они выйдут из дока, схватим их вместе с «Авророй» и сокровищами.

— Те это люди, которых мы ищем, или нет, но продумано всё образцово, — сказал Джонс. — И всё-таки я лучше направил бы в Джекобсон-Ярд отряд полиции и спокойно схватил бы их, только бы они там появились.

— А они бы там не появились. Смолл хитёр. Я не сомневаюсь, что он вышлет вперёд разведчика, и, если тот почует опасность, Смолл заляжет в берлогу ещё на неделю.

— Но можно выследить Смита и таким образом найти их убежище, — сказал я.

— Тогда мы потеряем ещё день. К тому же я на девяносто девять процентов убеждён, что Смит не знает, где они прячутся. Ему хорошо платят, виски есть, к чему задавать ненужные, не относящиеся к делу вопросы… Распоряжения ему посылаются, он выполняет их… Нет, я обдумал все возможные пути, этот наилучший.

Пока мы так говорили, наша лодка проносилась под многочисленными мостами, перекинутыми через Темзу. Последние лучи солнца золотили крест на куполе собора Святого Павла. Тауэра мы достигли, когда уже сильно смеркалось.

— Вот Джекобсон-Ярд, — сказал Холмс, указывая на лес мачт и снастей в стороне Суррея. — Курсируйте взад и вперёд под прикрытием этой флотилии, — приказал Холмс, поднося к глазам ночной морской бинокль и несколько времени обозревая берег. — Я вижу моего караульного, но платком он ещё не машет.

— А что, если мы пройдём немного ниже и будем ждать их там? — предложил сгоравший от нетерпения Джонс.

Мы все уже сидели как на иголках. Даже ничего не знавшие полицейские и рулевой с кочегаром и те заразились нашим волнением.

— Мы не имеем права рисковать, — сказал Холмс. — Десять шансов против одного, что они пойдут вниз по реке, а не вверх. И всё-таки мы должны учесть и эту возможность. Отсюда нам хорошо виден вход в док, а нас почти не заметно. Ночь обещает быть светлой, и огней на реке много. Мы должны оставаться там, где мы есть. Видите, как хорошо видны отсюда люди, сную-

щие в свете газовых фонарей.

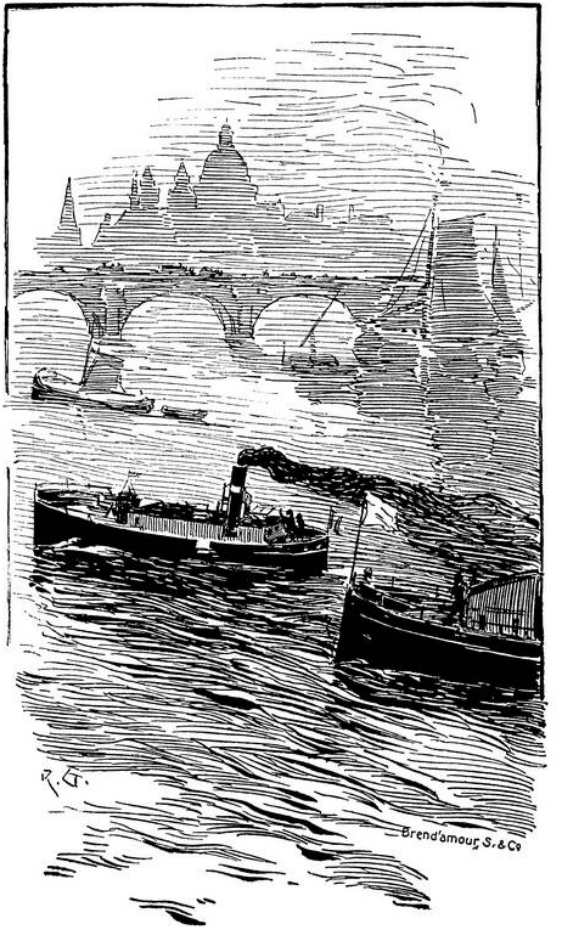
— Они возвращаются домой после работы в доке.

— Какие они усталые и грязные! Но в каждом горит искра бессмертного огня. Глядя на них, ни за что не скажешь этого. И тем не менее это так. Странное всё-таки существо человек.

— Кто-то назвал человека животным, наделённым душой.

— Уинвуд Рид хорошо сказал об этом, — продолжал Холмс. — Он говорит, что отдельный человек — это неразрешимая загадка, зато в совокупности люди представляют собой некое математическое единство и подчинены определённым законам. Разве можно, например, предсказать действия отдельного человека, но поведение целого коллектива можно, оказывается, предсказать с большей точностью. Индивидуумы различаются между собой, но процентное отношение человеческих характеров в любом коллективе остаётся постоянным. Так говорит статистика. Но что это, кажется, платок? В самом деле, там кто-то машет белым.

— Это один из ваших мальчишек. Я отчётливо вижу его! — воскликнул я.


R. G.
Brend'amour, S. & Co

— А вот и «Аврора»! — крикнул Холмс. — Отличный у неё ход. Эй, там, внизу, полный вперёд! Следуйте за тем катером с жёлтым огнём. Я не прощу себе, если он уйдёт от нас!

«Аврора» незаметно выскользнула из дока и, набирая скорость, прошла за маленькими судёнышками, так что, когда мы увидели её, она уже мчалась на всех парах. Она уходила вниз по реке, держась берега. Быстроходность её была поразительна. Джонс посмотрел на неё с тревогой.

— Очень лихо идёт, — сказал он. — Нам её не догнать.

— Должны догнать! — проговорил Холмс, стиснув зубы. — Не жалейте угля! Выжмите из машины всё, что можно. Пусть лучше сгорит катер, чем они уйдут от нас!

Теперь мы шли прямо на них. Огонь в топках гудел, мощная машина стучала, как огромное металлическое сердце. Острый, отвесный нос лодки, как ножом, рассекал спокойную воду, посылая влево и вправо две круглых, длинных, тугих волны. В такт машине вся лодка вибрировала и вздрагивала, как живое существо. Жёлтый фонарь на носу бросал вперёд длинный мерцающий столб света. Впереди нас бежало по воде тёмное пятно — это была «Аврора». Вихрь белой

пены за ней свидетельствовал о скорости, с какой она шла. Мы проносились мимо барж, пароходов, торговых парусников, обгоняя их слева и справа. Из темноты доносились громкие голоса, а «Аврора» всё уходила вперёд, и мы висели у неё на хвосте.

— Наддайте ходу! — крикнул Холмс, заглянув в машинное отделение; яркое пламя осветило снизу его напряжённое, орлиное лицо.

— Мне кажется, мы нагоняем их, — сказал Джонс, не спуская с «Авроры» глаз.

— Нет никакого сомнения! — воскликнул я. — Ещё несколько минут — и мы нагоним их.

И в тот же миг судьба зло посмеялась над нами: путь наш пересёк буксир с тремя баржами. Если бы не рулевой, вывернувший до отказа руль, мы врезались бы в него. Когда наконец мы обогнули их и снова легли на курс, оказалось, что «Аврора» ушла вперёд на добрых двести ярдов, но, к счастью, всё ещё была хорошо видна. Наша машина давала полную мощность, хрупкая посудина вибрировала и трещала под напором яростной энергии, которая несла нас. Мы оставили позади Пул, миновали Вест-Индские доки, обогнули длинную Дептфордскую косу и Собачий остров. Смутное пятно впереди нас стало принимать

изящные очертания «Авроры». Джонс включил прожектор, и мы ясно увидели на её борту людей. Один сидел на корме, нагнувшись к какому-то чёрному предмету у его ног. Рядом лежала тёмная куча, похожая на огромного ньюфаундленда. Красное пламя топки освещало старшего Смита, он был обнажён до пояса и яростно, как заведённый, бросал в топку уголь, сын его держал румпель. Беглецы не сразу поняли, что за ними погоня, но, видя, что мы неотступно идём за ними, повторяя все их зигзаги и повороты, они перестали сомневаться. У Гринвича нас разделяло саженей сто, к Блэкуоллу расстояние сократилось до семидесяти пяти. За годы моей полной приключений армейской жизни мне не раз приходилось участвовать в погоне, но никогда я не испытывал такого жгучего волнения, как во время этой бешеной гонки по Темзе. Мы всё ближе и ближе. В ночной тиши слышен стук и пыхтение их машины. Человек на корме всё ещё стоит, нагнувшись над чем-то на палубе, что-то делая руками, поминутно поднимая голову, чтобы прикинуть на глаз расстояние между «Авророй» и нами. Мы уже совсем близко. Джонс крикнул, чтобы они остановились. Нас разделяет всего четыре корпуса, и обе лодки летят как на крыльях.

На этом участке Темзы было пустынно. С одной стороны протянулась низина Баркинглевел, с другой — печальные Пламстедские болота. Услыхав приказ Джонса, человек на корме вскочил на ноги и, тряся над головой сжатыми кулаками, стал ругать нас грубым и охрипшим голосом. Это был сильный, рослый человек, он стоял на палубе, широко расставив ноги, и я увидел, что, начиная от бедра, вместо правой ноги у него деревянный протез. При звуках его резкого, хриплого голоса тёмная куча на палубе зашевелилась и обернулась маленьким чёрным человечком; у него была огромная, неправильной формы голова с копной всклокоченных волос. Холмс вынул свой пистолет, я тоже схватился за свой при виде этого чудовища. На нём было что-то тёмное, не то балахон, не то одеяло, открытым оставалось только лицо, какое может привидеться только в кошмарном сне. Никогда в жизни ни в одном лице я не встречал столько жестокости и кровожадности. Глаза его блестели мрачным, угрюмым блеском, а толстые губы, вывернутые наружу, изгибались злобной усмешкой, обнажая зубы, лязгавшие от животной ярости.

— Если он поднимет руку, стреляйте, — невозмутимо проговорил Холмс.

«Аврора» была уже на расстоянии одного корпуса от нас, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки. Я хорошо видел этих двоих — большого белого мужчину, стоящего, широко расставив ноги, и поносящего нас отборными ругательствами, и страшного карлика: его отвратительное лицо и оскаленные жёлтые зубы, поблёскивающие в свете нашего фонаря.

Хорошо, что мы успели подойти так близко. Несмотря на то что мы не спускали с него глаз, он быстрым движением вынул из складок своего одеяния короткую деревянную трубку, похожую на линейку школьника, и сунул её в рот. Наши выстрелы грянули одновременно. Карлик повернулся, раскинул руки и, издав захлёбывающийся кашель, упал боком в воду. На один миг в пене волн я увидел его смертоносный, ненавидящий взгляд. В тот же миг человек на деревянной ноге изо всех сил налёг на руль, и его лодка круто повернула к южному берегу. Мы продолжали стрелять по ней, но мимо. Пули пролетели всего в нескольких футах от неё. Мы тоже повернули, но поздно: «Аврора» уже ткнулась носом в берег. Это было дикое, пустынное место. Луна заливала мертвенным светом огромную болотистую равнину, на которой блестели окна стоячей воды

и темнели островки гниющих растений. Глухо ударившись о берег, «Аврора» застряла прочно, нос её задрался в воздух, а корма погрузилась в воду. Беглец выскочил на берег, его деревянная нога тотчас ушла на всю длину в вязкую почву. Напрасно он старался высвободить её, дёргаясь всем телом. Он не мог больше сделать ни одного шага ни вперёд, ни назад. Он завыл в бессильной злобе и яростно заколотил другой ногой по болотистой жиже. Но его злополучная деревяшка только ещё глубже уходила в предательскую почву. Когда наш катер подошёл к нему, он уже так прочно встал на якорь, что мы сумели вытащить его только с помощью верёвки, которой он обвязал своё туловище. И мы долго тянули его, как огромную, опасную рыбину. Оба Смита, отец и сын, сидели понурившись в своём катере, но безропотно подчинились нашему приказу и перешли к нам на борт. Потом мы вызволили «Аврору» и крепко привязали её к своей корме. На её палубе стоял тяжёлый железный сундучок ручной индийской работы, безо всякого сомнения, тот самый, в котором хранились приносящие несчастье сокровища семьи Шолто. Ключа не было, и мы осторожно отнесли его, хотя он был довольно тяжёл, в нашу маленькую кабину. Мы

медленно возвращались в Лондон и всё время пути обшаривали прожектором реку и берега, но так и не нашли следов маленького островитянина. Где-то на илистом дне Темзы так и останутся лежать до скончания века кости этого странного чужеземца, нашедшего свой конец на наших туманных берегах.

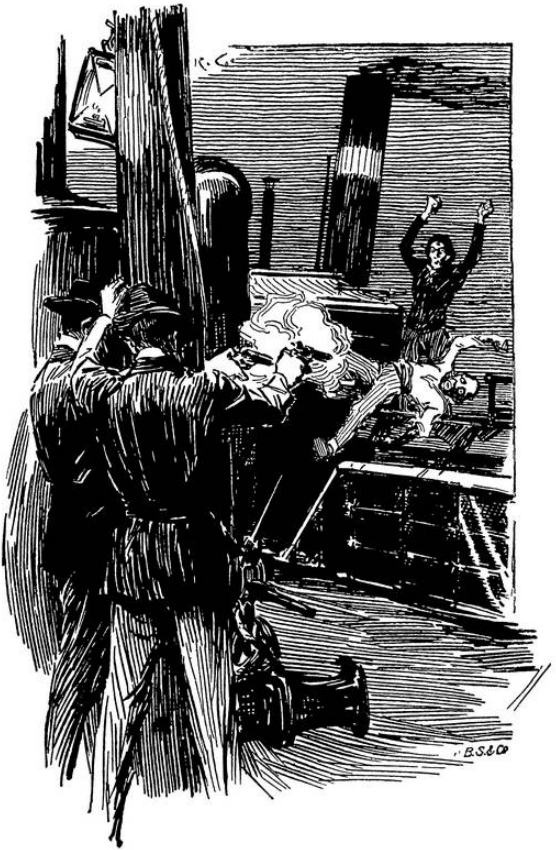
— Смотрите, — показал Холмс на створку деревянной двери, — он всё-таки выстрелил первый.

Действительно, в дереве как раз против того места, где мы с Холмсом стояли, торчала одна из тех чёрных колючек, которые мы так хорошо знали. Должно быть, она пролетела между нами в тот самый миг, когда мы одновременно разрядили свои пистолеты. Холмс улыбнулся, а меня, признаться, пробрала дрожь, когда я представил себе, какой страшной смерти мы чудом избежали этой ночью.

Глава XI
Сокровища Агры

Наш пленник сидел в кабине напротив ларца, к которому он так стремился и ради которого столько преодолел препятствий. Его лицо, точно вырезанное из красного дерева, с отчаянным до дерзости взглядом и сетью крупных и мелких морщин говорило о жизни, сопряжённой с трудом на открытом воздухе. Его подбородок, покрытый густой растительностью, сильно выдавался вперёд, обличая упрямый, несговорчивый характер. Ему было, наверное, лет около пятидесяти, его чёрные кудрявые волосы были сильно подёрнуты сединой. Черты его лица, когда оно было спокойно, не были лишены приятности, зато стоило ему прийти в ярость — мы это только что видели, — и оно становилось жестоким и мрачным от нависших бровей и агрессивно торчащего подбородка. Сейчас он сидел неподвижно, положив большие руки в наручниках на колени и опустив на грудь голову. Время от времени он бросал острый блестящий взгляд на ларец — причину своих преступных действий. Мне по-

казалось, что в его суровом, замкнутом лице было больше печали, чем злобы. Однажды он взглянул вверх, и мне почудилась в его взгляде усмешка.



— Знаете, Джонатан Смолл, — начал Шерлок Холмс, — мне очень жаль, что так всё обернулось.

— И мне тоже, сэр, — отозвался он с чувством. — Но я думаю, виселица мне на этот раз не грозит. Я готов присягнуть на Библии, что я не повинен в смерти мистера Шолто. Это маленький дьявол Тонга выстрелил в него своей проклятой стрелой. Мои руки не запятнаны кровью, сэр. Мне было очень жаль этого Шолто, как будто он был мой родной брат. Я хорошенько вздул Тонгу свободным концом верёвки, но да что толку. Сделанного не воротишь.

— Возьмите сигару, — сказал Холмс. — И глотните из моей фляги: вы промокли насквозь. Но скажите, как вы могли ожидать, что такой маленький, тщедушный человечек одолеет мистера Шолто да ещё будет держать его, пока вы лезли по верёвке?

— Вы, я вижу, сэр, знаете всё, как будто видели собственными глазами. Я рассчитывал на то, что в этот час в кабинете никого не будет. Я хорошо знаю распорядок жизни в Пондишери-Лодж. В это время мистер Шолто обычно спускался вниз ужинать. Я не хочу ничего скрывать. Сейчас самая лучшая защита — говорить правду. Будь это

старый майор, я бы с лёгким сердцем позволил вздёрнуть себя на виселицу. Ударить его ножом мне всё равно что выкурить сигару. Но такое уж моё невезение, что я пойду на каторгу из-за молодого Шолто, с которым мы даже ни разу не поссорились.

— Вы находитесь в руках Этелни Джонса из Скотленд-Ярда. — прервал его Холмс. — Он обещал завезти вас ко мне, и я попрошу вас чистосердечно мне всё рассказать. Тогда, возможно, я смогу вам помочь. Я попробую доказать, что яд этот действует так быстро, что, когда вы появились в комнате, мистер Шолто был уже мёртв.

— Но так оно и было, сэр. Когда я влез в окно и увидел его оскаленное, склонённое набок лицо, меня чуть удар не хватил. Я готов был задушить

Тонгу, но он вырвался и убежал на чердак. Тогда-то он и забыл свою дубинку и потерял эти проклятые колючки, как он потом мне признался. Я думаю, они-то и были главной уликой против нас. Но я, хоть убейте, не понимаю, как вы смогли напасть на наш след?! Я не питаю к вам злобы, — он горько улыбнулся, — я только заметил одну странную вещь. Имея законное право на добрых полмиллиона фунтов, я должен был первую половину жизни строить волнорезы на Андаманских островах, а вторую в лучшем случае посвящу земляным работам в Дартмуре. В злосчастную минуту встретил я купца Ахмета и услыхал о сокровищах Агры, которые всем своим владельцам приносили только несчастье. Ахмет был убит из-за них, майор Шолто жил всю жизнь под бременем вины и трясся от страха. Мне они принесут пожизненную каторгу.

В эту минуту в дверь кабины просунулось широкое лицо и могучие плечи Этелни Джонса.

— Ни дать ни взять семейный пикник! — сказал он. — Позвольте, Холмс, приложиться к вашей фляге. Ну что ж, я думаю, нам ничего не остаётся, как поздравить друг друга. Жаль только, что второго не удалось взять живым. Но выхода, к сожалению, не было. А знаете, Холмс, вы должны

признаться, что пошли на слишком большой риск. А если бы мы не догнали их?

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — сказал Холмс. — Но я и вправду не знал, что «Аврора» — такое быстроходное судно.

— Смит говорит, на Темзе нет ни одного катера быстрее его «Авроры» и что, если бы у него был кочегар, мы ни за что бы его не догнали. Между прочим, он клянётся, что ничего не знал о норвудском деле.

— Абсолютно ничего, — подтвердил наш пленник. — Я выбрал его катер, потому что слыхал про его качества. Мы ничего не сказали ему, но хорошо заплатили и обещали заплатить ещё больше на борту «Эсмеральды», которая отплывает из Грейвсенда в Бразилию.

— Ну что ж, раз он не сделал ничего плохого, и мы ничего плохого ему не сделаем. Мы быстро ловим наших парней, но с обвинением не спешим.

Было смешно смотреть, как тщеславный Джонс надувается спесью — ещё бы, поймал такую птицу! По лёгкой улыбке, игравшей на лице Холмса, я понял, что и его забавляет хвастовство полицейского инспектора.

— Скоро мы будем у Воксхоллского моста, — обратился Джонс ко мне. — Там высадим вас вместе

с сокровищами. Вряд ли надо говорить вам, что я беру на себя большую ответственность. Это — совершенно недопустимое действие. Но, как говорится, уговор дороже денег. Однако по долгу службы я должен послать с вами полисмена, поскольку вы повезёте такой ценный груз. Вы возьмёте кэб, надеюсь?

— Да.

— Как жаль, что нет ключа, а то мы произвели бы осмотр уже здесь. Где ключ, парень?

— На дне, — ответил коротко Смолл.

— Гм! Какой смысл доставлять нам лишние хлопоты, когда у нас их было и без того немало. Я думаю, доктор, мне не надо предупреждать вас быть как можно осторожнее. И сразу же везите сундук на Бейкер-стрит. Мы сперва поедем туда, а уж потом в полицию.

Они высадили меня у Воксхоллского моста с одним из полицейских, простым и добродушным малым. А через четверть часа мы были уже у дома миссис Сесил Форрестер. Служанка была очень удивлена такому позднему визиту. Она сказала, что миссис Форрестер в гостях и вернется нескоро, а мисс Морстен в гостиной. Полицейский любезно согласился подождать меня в кэбе, и я, держа ларец на руках, направил свои стопы

в гостиную.

Мисс Морстен сидела у раскрытого окна в белом воздушном платье с чем-то розовым у шеи и талии. Мягкий свет лампы под абажуром озарял её фигурку, откинувшуюся в плетёном кресле, её милое серьёзное лицо и золотил тусклым блеском тугие локоны её роскошных волос. Белая рука небрежно покоилась на ручке кресла, и от всей её задумчивой позы веяло тихой грустью. Услыхав мои шаги, она встрепенулась и встала с кресла, её бледные щёки залились радостным румянцем.

— Я слышала, что подъехал кэб, но подумала, что это мисис Форрестер вернулась так рано. Я и не предполагала, что это вы. Какие новости вы привезли нам?

— Я привёз нечто большее, чем новости, — сказал я, ставя ларец на стол и разговаривая бойким, весёлым тоном, хотя сердце у меня в груди так и ныло. — Я привёз вам то, что стоит дороже всех новостей на свете. Я привёз вам богатство.

Она посмотрела на ларец.

— Так это и есть клад? — спросила она довольно равнодушно.

— Да, это сокровища Агры. Половина принадлежит вам, половина — мистеру Шолто. Каждому из

вас приходится около двухсот тысяч. Это десять тысяч фунтов годового дохода. В Англии мало найдётся девушек с таким приданым. Это ли не прекрасно?

По-моему, я несколько переигрывал, стараясь выразить восторг. Она почувствовала фальшь в моём голосе, когда я рассыпался в поздравлениях, и, чуть-чуть подняв брови, с удивлением посмотрела на меня.

— Если я и получила их, — сказала она, — так только благодаря вам.

— Нет, нет, — воскликнул я, — не мне, а моему другу Шерлоку Холмсу. Я бы никогда в жизни не решил этой загадки, мощный аналитический ум моего друга и то не сразу решил её. Мы ведь в конце чуть не упустили их.

— Ради бога, садитесь, доктор Ватсон, и расскажите мне всё по порядку.

Я коротко рассказал ей, что произошло в то время, пока мы не виделись: о переодевании Холмса, о розысках «Авроры», о появлении Этелни Джонса на Бейкер-стрит, о нашей вечерней экспедиции и, наконец, бешеной гонке по Темзе. Она слушала рассказ о приключениях с блестящими глазами и полуоткрытым ртом. Когда я дошёл до отравленной стрелы, пролетевшей ми-

мо нас на расстоянии дюйма, она так побледнела, что казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Это ничего, — сказала она, когда я поспешил протянуть стакан с водой. — Всё уже в прошлом. Просто мне стало страшно: ведь это из-за меня мои друзья подвергались смертельной опасности.

— Всё страшное позади, — сказал я. — Да и опасности особой не было. Не хочу я больше рассказывать обо всяких ужасах. Давайте лучше поговорим о приятном. Видите, в этом ларце сокровища. Как это замечательно! Холмс специально отпустил меня, чтобы я привёз его вам и вы первая открыли его.

— Да, конечно, мне будет очень интересно посмотреть, — сказала мисс Морстен, не проявляя, однако, энтузиазма. Она, без сомнения, подумала, что бестактно оставаться равнодушной при виде предмета, который стоил таких трудных и опасных поисков.

— Какой хорошенький ларец! — прибавила она, наклоняясь над ним. — Кажется, это настоящая индийская работа?

— Да, производство бенаресских кустарей-литейщиков.

— Какой тяжёлый! — попробовала она поднять

его. — Он один, наверное, немало стоит. А где ключ?

— Смолл выбросил его в Темзу, — ответил я. — Придётся попробовать кочергу миссис Форрестер.

У ларца был литой, массивный запор, изображавший сидящего Будду. Под этот запор я всунул конец кочерги и нажал её как рычаг. Запор громко щёлкнул и раскрылся. Дрожащими руками я поднял крышку и откинул её назад. Какое же изумление изобразилось на наших лицах! Ларец был пуст.

Немудрено, что он был очень тяжёлый. Низ, стенки и крышка были на две трети железные. Ларец был надёжный, красивый и прочный, видно, специально сделан для хранения драгоценностей, но самих драгоценностей там не было. Хотя бы одна нить жемчуга, или крупинка золота, или бриллиант. Ничего. Ларец был совершенно, вопиюще пуст…

— Сокровище пропало, — спокойно заметила мисс Морстен.

Когда я услышал эти её слова, когда до меня дошло, что они значат, тень, всё это время омрачавшая мою душу, рассеялась. Вздохнув свободно, я только сейчас понял, какой тяжестью лежал

у меня на сердце этот клад. Это было низко, это было эгоистично, но я знал, видел, чувствовал только одно: золотого барьера, стоявшего между нами, не стало.

— Слава богу! — воскликнул я от всего сердца.

Она удивлённо посмотрела на меня и улыбнулась.

— Почему вы так говорите? — спросила она.

R.G.
Brendamour, Simhart & C.

— Потому что вы опять стали досягаемы для меня, — ответил я, беря её руку. Она не отняла её. — Потому что я люблю вас, Мэри, люблю, как никто никогда на свете не любил! Потому что эти сокровища, эти несметные богатства наложили печать на мои уста. Но теперь их нет, и я могу сказать вам смело, что я люблю вас. И я ещё раз повторяю: слава богу.

— Тогда и я скажу: слава богу, — прошептала она, и я привлёк её к себе. Может, кто и потерял какие-то там сокровища, но я в эту ночь стал самым богатым человеком на земле.

Глава XII
История Джонатана Смолла

Полицейский в кэбе оказался очень терпеливым человеком, потому что, как можно догадаться, я нескоро покинул дом миссис Форрестер. Но когда я показал ему пустой ларец, он заметно приуныл.

— Пропала награда! — вздохнул он. — Нет сокровищ, не будет и награды. Если бы они нашлись, мы с Сэмом Брауном получили бы по десяти фунтов за ночную работу.

— Мистер Таддеуш Шолто — богатый человек, — сказал я, — он вознаградит вас и без сокровищ.

Он, однако, покачал головой.

— Плохо дело, — уныло проговорил он. — Мистер Этелни Джонс скажет то же самое.

Его предсказание сбылось, ибо лицо у Джонса вытянулось, когда, вернувшись на Бейкер-стрит, я показал ему пустой ларец. Они тоже только что приехали, ибо по дороге переменили планы и вместо того, чтобы ехать прямо домой, заехали в Скотленд-Ярд, и Джонс доложил о результа-

тах. Мой друг сидел в своём кресле, как всегда, с непроницаемым лицом. Смолл — в кресле напротив, положив деревянную ногу поверх здоровой. Когда я стал демонстрировать пустой ларец, он вдруг громко расхохотался.

— Это твоих рук дело, Смолл, — сказал Этелни Джонс сердито.

— Да, моих. Сокровища спрятаны там, куда вам никогда не добраться, — сказал он, торжествуя. — Это мои сокровища, и если уж мне не суждено владеть ими, так пусть и никто не владеет. Я позаботился об этом. Никто в целом свете не имеет права на них, кроме троих каторжников в андаманской тюрьме и меня. Я знаю, что не мог бы обладать ими сейчас, не могут и они. Всё, что я сделал, сделано и от их имени. Наш союз четырёх — до конца дней. Так вот, я знаю, они бы одобрили меня. Пусть лучше сокровища лежат на дне Темзы, чем достанутся детям Шолто или Морстена. Не ради них мы прикончили Ахмета. Сокровища там, где ключ. Там, где Тонга. Когда я увидел, что вы настигаете нас, я спрятал добычу в надёжное место. На этот раз победа не принесла вам ни рупии.

— Ты обманываешь нас, Смолл, — нахмурился Джонс. — Если бы ты решил бросить сокровища

в Темзу, ты бросил бы их вместе с сундуком. Это удобнее.

— Удобнее бросить — удобнее найти, — насмешливо поглядывая на нас, ответил Смолл. — Человек, у которого хватило ума выследить меня, достанет сокровища и со дна реки. Теперь это, конечно, будет труднее — они разбросаны в радиусе пяти миль. Сердце моё чуть не разорвалось, когда я расставался с ними. Я чувствовал, что схожу с ума, увидев, что вы совсем близко. Но что толку теперь жалеть о них! Я столько испытал в жизни, что научился не плакать по убежавшему молоку.

— Это очень плохо, Смолл, — сказал Джонс. — Если бы вы помогли правосудию вместо того, чтобы так посмеяться над ним, у вас было бы больше шансов заслужить снисхождение.

— Правосудие? — воскликнул бывший каторжник. — Хорошенькое правосудие! Это мои сокровища! А правосудие требует отдать их людям, не имеющим к ним никакого отношения! Вы хотите знать, как они стали моими? Двадцать долгих лет в этом болоте, испаряющем лихорадку! Днём не выпускаешь из рук лопату, ночью гремишь кандалами в вонючем тюремном бараке. Москиты, лихорадка, ругань чёрных надсмотрщиков,

они любят поизмываться над белыми. Вот как я стал хозяином сокровищ Агры. Вы говорите о справедливости — а я не хочу, чтобы другие пользовались сокровищами, за которые я заплатил своей жизнью. Пусть меня вздёрнут на виселицу, пусть в мою шкуру вонзятся колючки Тонги, но я не хочу гнить в тюремной камере, зная, что кто-то другой купается в золоте, которое по праву принадлежит мне.

Маска безразличия спала со Смолла. Он говорил возбуждённо, глаза его горели, наручники бряцали, когда он в ярости сжимал кулаки. Видя, какая неукротимая ненависть снедает этого человека, я понял, что страх, обуявший Шолто при известии о его появлении, был вполне обоснованным.

— Вы забываете, что мы ничего этого не знали, — сказал Холмс мягко. — Мы и сейчас ещё не знаем, законным ли путём попали к вам эти сокровища.

— Вы разговариваете со мной, как с равным, сэр. И хотя я прекрасно понимаю, что именно вам я обязан вот этими украшениями, — Смолл показал на наручники, — я не в обиде на вас. Игра была честная. Если вы хотите послушать, я расскажу вам всю мою историю от начала до конца. Видит Бог, каждое слово в ней — чистая

правда. Благодарю вас, сэр, с удовольствием сделаю глоток-другой, если во рту пересохнет.

Родом я из Вустершира, родился в местечке под Першором. Если вы заглянете к нам, найдёте не одно семейство Смоллов. Я часто подумывал съездить туда, но я никогда не был гордостью своего семейства и сомневаюсь, чтобы они очень мне обрадовались. Все они люди почтенные, ходят в церковь, пользуются уважением в округе. Они фермеры, а у меня всегда были дурные наклонности. Когда мне было восемнадцать лет, я попал в историю из-за одной девушки. Спасло меня только то, что я завербовался и стал солдатом королевы в Третьем линейном пехотном полку, который как раз отправлялся в Индию.

Но служба моя кончилась скоро, я выучился только стрелять из ружья и ходить «гусиным шагом». Понесла меня однажды нелёгкая купаться в Ганг, хорошо ещё, что рядом со мной оказался в воде наш сержант Джон Холдер. А он был в нашем полку одним из лучших пловцов. Выплыл я на середину, глядь — крокодил. Оттяпал мне ногу выше колена, как ножом отрезал. Я бы утонул от шока и большой потери крови, да рядом оказался Холдер, он подхватил меня и вынес на берег. Пять месяцев я пролежал в госпитале.

Выписался я на деревяшке полным инвалидом, неспособным к воинской службе, да и вообще ни к какой другой.

Мне тогда довольно солоно пришлось, как вы можете себе представить, — беспомощный калека, и всего только двадцать лет. Но, как говорится, нет худа без добра. Одному человеку, по имени Эйблуайт, хозяину индиговых плантаций, потребовался надсмотрщик. Случилось, что он был другом нашего полковника, принимавшего во мне участие. Он горячо рекомендовал меня Эйблуайту. Надсмотрщик большую часть времени проводит верхом на лошади, а так как культя у меня была довольно длинная, то держаться в седле я мог, деревяшка мне не мешала. Я должен был верхом объезжать плантации, смотреть за тем, как работают кули, и докладывать о ленивых. Плата была хорошая, жильё тоже, и я уж думал, что до конца дней останусь на индиговых плантациях. Хозяин был человек добрый, он часто заходил ко мне выкурить трубку, потому что белые люди, живущие там, тянутся друг к другу. Совсем не то, что здесь.

Но счастье никогда долго не сопутствовало мне. В стране вдруг начался бунт. Ещё накануне мы жили мирно и безмятежно, как где-нибудь в Кенте или Суррее, а сегодня всё полетело вверх дном. Вы, конечно, знаете эту историю лучше меня. О ней много написано, а я не большой охотник до чтения. Знаю только то, что видел своими глазами. Наши плантации находились возле городка Муттры у границы северо-западных провинций. Каждую ночь всё небо озарялось огнём горящих бунгало. Каждый день через нашу усадьбу шли европейцы с жёнами и детьми, спеша под защиту английских войск, стоявших в Агре. Мистер Эйблуайт был упрямый человек. Он вбил себе в голову, что всё дело выеденного яйца не стоит и не сегодня завтра кончится. Он сидел на своей веранде, потягивал виски и курил сигары. А вся Индия была в огне. Мы, конечно, остались с ним. Мы — это я и Доусон, который вместе с женой вёл и счета, и хозяйство. Но катастрофа всё-таки разразилась. Я был весь день на дальней плантации и под вечер возвращался верхом домой. На дне неглубокого оврага темнела какая-то бесформенная куча. Я подъехал ближе, и сердце моё сжалось от ужаса: это была жена Доусона, разрезанная на куски и брошенная на съедение шакалам.

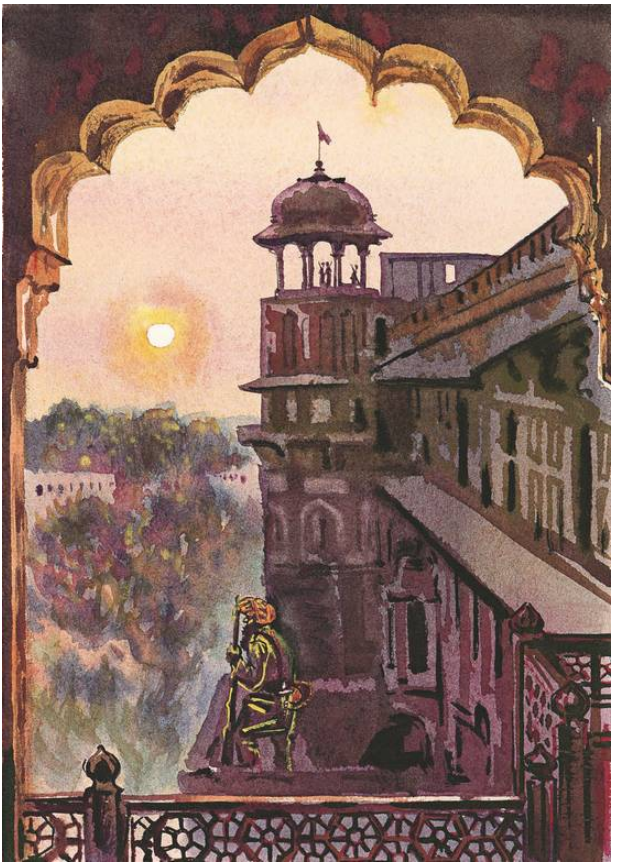
Немного дальше на дороге лицом вниз лежал сам Доусон, его уже окоченевшая рука сжимала револьвер, а рядом друг подле друга лежали четверо сипаев. Я натянул поводья и остановил лошадь, не решаясь, в какую сторону ехать. В этот миг из крыши бунгало Эйблуайта повалил густой дым, наружу вырвалось пламя. Я понял, что ничем не могу помочь моему хозяину, а только и сам погибну, если очертя голову брошусь на выручку. С моего места мне хорошо были видны мятежники в красных мундирах, их было не меньше нескольких сотен, они громко кричали и плясали вокруг пылающего дома. Меня заметили, и мимо моей головы просвистело несколько пуль. Тогда я повернул коня и поскакал через рисовое поле. Ночью я был в Агре.

Оказалось, что и там небезопасно. Вся страна гудела, как растревоженный улей. Англичане собирались в небольшие отряды. Они оставались хозяевами только на той земле, которую удерживали силой оружия. На всей остальной земле они были во власти восставших. Это была война миллионов против нескольких сотен. И самое трагическое было то, что нашим противником были наши же отборные войска — пехота, артиллерия и кавалерия. Мы их обучили и вы-

школили, и теперь они сражались против нас нашим оружием и трубили в горн наши сигналы. В Агре стояли Третий бенгальский стрелковый полк, несколько отрядов сикхов, два эскадрона кавалерии и одна батарея. Когда началось восстание, был сформирован отряд добровольцев из гражданских чиновников и купцов. В этот отряд, несмотря на свою ногу, записался и я. Мы выступили из Агры, чтобы встретиться с противником у Шахтанджа в начале июля, и несколько времени успешно сдерживали их, но скоро у нас кончился порох, и мы вернулись обратно в Агру. Со всех сторон приходили тревожные вести, что было не удивительно: ведь Агра находилась в самом центре мятежа. Лакхнау был более чем в сотне миль на восток, Канпур — почти столько же на юг. Какое направление ни возьми, всюду резня, разорение и гибель.

Агра — древний город. Он всегда наполнен индусами-фанатиками и свирепыми дикарями-язычниками. Горстка англичан потерялась бы среди узких извилистых улочек. Поэтому наш командир приказал перейти реку и укрыться в старинной Агрской крепости. Не знаю, джентльмены, слыхал ли кто-нибудь из вас об этой крепости. Это — очень странное сооружение. Та-

кого я никогда не видывал, а уж поверьте, я много странного повидал на своём веку. Крепость очень большая и состоит из двух фортов — нового и старого. Наш гарнизон, женщины, дети, припасы и всё остальное разместились в новом форте. Но он размерами был гораздо меньше старого. В старую крепость никто не ходил, в ней жили только скорпионы и сороконожки. Там было много огромных пустых залов, галерей, длинных коридоров с бесконечными переходами и поворотами, так что было легко заблудиться. Поэтому туда редко кто отваживался ходить, хотя время от времени собиралась группа любопытных и отправлялась с факелами.



Передний фасад Агрской крепости омывала река, служившая ей защитой, зато боковые и задняя стены имели множество выходов, которые надо было охранять. Людей у нас было мало, едва хватало только, чтобы поставить к пушкам и бойницам. Тогда мы хорошо укрепили центральный форт, а у каждых ворот выставили небольшой караул — по одному англичанину и по два-три сикха. Мне выпало охранять ночью дальнюю дверь в юго-западной стене. Мне дали под начало двух сикхов и сказали, чтобы я в случае опасности стрелял, чтобы вызвать подкрепление из центральной охраны. Но поскольку наш пост находился метрах в двухстах от главных сил и добраться к нам можно было, только преодолев бесконечный лабиринт коридоров и галерей, то я очень сомневался, что в случае нападения помощь придёт вовремя.

Я очень гордился тем, что у меня был свой маленький отряд, — ведь солдатом я прослужил без году неделя, да ещё эта нога. Две ночи прошли безо всяких происшествий. Мои пенджабцы были рослые, свирепого вида сикхи. Одного звали Мохаммед Сингх, другого Абдулла Хан, оба воевали против нас под Чилианвалла. По-английски они говорили довольно хорошо, но я с ними

общался мало. Они предпочитали держаться вдвоём и что-то лопотали всё время на своём странном сикхском языке. Я же обычно стоял снаружи возле двери и смотрел вниз на широкую извивающуюся ленту реки и на мерцающие огни древнего города. Дробь барабанов и тамтамов, крики и пение мятежников, опьянённых опиумом и гашишем, напоминали нам всю ночь об опасности, грозившей с того берега. Каждые два часа дозор центральной охраны обходил посты, проверяя, всё ли благополучно.

Третья ночь моего дежурства была особенно тёмной и мрачной, то и дело моросил дождь. Ничего нет хуже стоять час за часом на страже в такую ночь. Я несколько раз пытался заговорить со своими необщительными товарищами, но всё безуспешно. В два часа ночи пришёл дозор и немного скрасил моё тоскливое бдение. Видя, что мне не удастся втянуть сикхов в разговор, я вынул трубку, положил ружьё и чиркнул спичкой. И в тот же миг оба сикха набросились на меня. Один схватил мой мушкет и занёс его над моей головой, второй приставил к моему горлу длинный нож и поклялся сквозь зубы всадить мне его в глотку, если я пошевелюсь.

Моей первой мыслью было, что негодяи в заго-

воре с мятежниками и что это — начало штурма. Если бы восставшие захватили наш вход, то крепость бы пала и все женщины и дети оказались бы в их руках. Возможно, джентльмены, вы подумаете сейчас, что я хочу расположить вас в свою пользу, но даю слово, что, когда я сообразил это, то, забыв о ноже, я уже раскрыл было рот, чтобы закричать, — пусть это был бы мой последний крик. Державший меня сикх точно прочитал мои мысли, ибо, видя мою решимость, прошептал мне на ухо: «Не поднимай шума. Крепость в безопасности. На нашем берегу нет негодяев-мятежников». Голос его звучал искренне, к тому же я знал: стоит мне издать звук, песенка моя спета. Это я прочёл в глазах шептавшего. Поэтому я решил подождать и посмотреть, что они хотят от меня.

— Послушай, сагиб, — сказал один из них, тот, у которого был более свирепый вид и которого звали Абдулла Хан. — Либо ты должен присо-

единиться к нам, либо ты замолчишь навеки. Мы не можем ждать: дело слишком важное. Или ты душой и телом будешь наш и поклянёшься в этом на христианском кресте, или твоё тело этой ночью будет брошено в канаву, а мы уйдём к повстанцам на ту сторону реки. Выбора у тебя нет. Ну что — жизнь или смерть? Даём на размышление три минуты. Время идёт, а надо всё кончить до возвращения дозора.

— Как я могу решать? — возразил я. — Вы ведь не сказали мне, что я должен делать. Но знайте, если на карту поставлена судьба крепости, убивайте меня, и пусть ваша рука не дрогнет.

— Крепости ничего не грозит, — опять зашептал сикх. — Мы хотим, чтобы ты сделал только то, ради чего твои соотечественники едут в эту страну: мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты будешь в эту ночь с нами, то мы клянёмся тебе обнажённым кинжалом и тройной клятвой сикхов — эту клятву не нарушил ещё ни один сикх, — что честно поделимся с тобой захваченной добычей. Ты получишь четвёртую часть всех сокровищ. Что может быть справедливее?

— Каких сокровищ? — спросил я. — Я так же, как вы, не прочь разбогатеть. Но скажите, как это сделать?

— Поклянись сперва, — ответили они, — прахом твоего отца, честью матери, святым крестом твоей веры, что ни сейчас, ни впредь не поднимешь на нас руки и будешь нерушимо хранить тайну!

— Клянусь, — ответил я, — если только крепости не будет угрожать опасность.

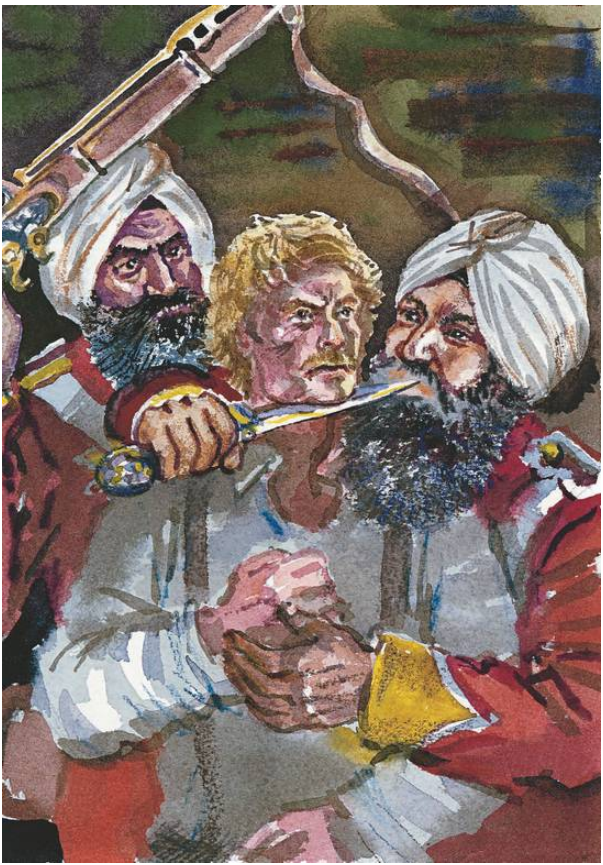
— Тогда и мы все клянёмся, что честно поделим между собой сокровища и ты получишь свою четвёртую часть.

— Но ведь нас трое, — сказал я.

— Нет, четверо. Дост Акбар тоже должен получить своё. Пока будем их ждать, я тебе всё расскажу. Мохаммед Сингх постоит снаружи и даст нам знать, когда они покажутся. Ну так вот, сагиб, я расскажу тебе всё, потому что ты ференги, а я знаю, что ференги не нарушают клятвы. Если бы ты был лживым индусским псом, то, сколько бы ты ни клялся всеми своими богами из нечестивых храмов, твоя кровь пролилась бы, а тело было брошено в сточную канаву. Но сикхи верят англичанам, а англичане верят сикхам. Так что слушай, сагиб, что я тебе расскажу.

В северных провинциях живёт один раджа. Он очень богат, хотя земли у него мало. Большие богатства унаследовал он от отца и ещё больше

скопил сам, потому что он любит копить и не любит тратить. Когда заварилась каша, он был другом и льва и тигра — сипаев и англичан. Но вот до него стали доходить слухи, что белых людей повсюду гонят и убивают, и он решил, что белым пришёл конец. Будучи человеком осторожным, он повёл себя так, чтобы в любом случае сохранить хотя бы половину сокровищ. Золото и серебро он оставил в подвалах своего дворца, а самые дорогие камни и жемчуг сложил в железный сундук и поручил своему верному слуге под видом торговца пронести в Агрскую крепость, чтобы они оставались там, пока не наступит замирение. Таким образом, если победят мятежники, он будет иметь золото и серебро, если же победят англичане, то уцелеют драгоценности. Разделив таким образом свои богатства, он присоединился к сипаям, потому что их победа тогда была очевидна. Значит, сагиб, обрати на это внимание, драгоценности должны были достаться тому, кто остался бы до конца верен долгу.



Этот мнимый купец, путешествующий под именем Ахмета, сейчас в Агре. Он жаждет проникнуть в Агрскую крепость. С ним мой молочный брат Дост Акбар, знающий его тайну. Дост Акбар обещал этой ночью привести его к западному входу в крепость. И выбрал как раз нашу дверь. Они вот-вот придут, и мы с Мохаммедом Сингхом их встретим. Место это пустынное, об Ахмете никто ничего не знает. И мы позаботимся, чтобы никто никогда не узнал. А потом поделим сокровища. Что ты на это скажешь, сагиб?

В Вустершире жизнь человека священна и неприкосновенна, но совсем другое дело, когда кругом огонь, и кровь, и смерть поджидает тебя на каждом шагу. Мне было всё равно, будет ли жить какой-то купец Ахмет или нет. Зато рассказ о сокровищах задел моё сердце. Я стал думать, как хорошо вернуться в Англию с таким богатством, вот уж мои родные вытаращат глаза, увидев бездельника Джонатана с карманами полными золота. Из этого вы можете судить, какой я сделал выбор. Абдулла Хан, однако, решил, что я всё ещё колеблюсь.

— Послушай, сагиб, — продолжал он меня уговаривать, — если этот человек попадёт в руки начальника гарнизона, его всё равно расстреля-

ют или повесят, а драгоценности раджи уйдут в казну правительства, и никому не будет никакой радости. Раз уж мы устроили на него засаду, дело надо кончать. А сокровищам у нас будет ничуть не хуже, чем в государственной казне. Мы сразу разбогатеем и станем важными господами. Мы здесь совсем одни, и никто никогда не узнает об этом. Всё нам благоприятствует. Повтори ещё раз, сагиб, с нами ты или против нас?

— С вами, всей душой и всем сердцем, — ответил я.

— Хорошо, — ответил он, возвращая мне моё ружье. — Ты видишь, мы доверяем тебе, потому что ты, как и мы, не можешь нарушить слова. А теперь будем ждать.

— Твой брат знает, что вы затеяли?

— Это его план. Он всё и придумал. А теперь пойдём к Мохаммеду Сингху, будем ждать там.

Дождь всё продолжался, потому что уже начался сезон дождей.

Тяжёлые, чёрные тучи заволокли небо, и в двух шагах ничего не было видно. Прямо перед нами обрывался неглубокий ров, он местами почти пересох, и через него было легко перебраться. У меня было очень странное ощущение, что вот я стою здесь с двумя дикими пенджабцами и жду

человека, спешащего навстречу своей смерти. Вдруг глаза мои уловили во тьме по ту сторону рва слабую вспышку от прикрытого полой фонаря. Свет исчез за кучами земли, потом опять появился и стал медленно к нам приближаться.

— Идут! — сказал я.

— Окликните его, сагиб, как полагается в таких случаях, — зашептал Абдулла. — Пусть он ничего не подозревает. Дайте нас ему в провожатые, а сами оставайтесь у входа. Приготовьте фонарь, чтобы не ошибиться, что это он.

Свет фонаря то останавливался, то опять двигался в нашу сторону, и скоро я разглядел на той стороне две тёмные фигуры. Они подошли ко рву и начали чуть не на четвереньках спускаться по отлогой стенке рва, потом прошлёпали по вязкому дну и стали карабкаться на нашу сторону. Тут я их и окликнул.

— Кто там? — спросил я негромко.

— Друзья, — последовал ответ.

Я открыл фонарь и осветил их. Впереди шёл огромный сикх с чёрной бородой, спускавшейся чуть не до пояса. Только в цирке я видел таких высоких людей. Другой был маленький, толстенький и круглый, на нём был жёлтый тюрбан, а в руках узел — что-то завязанное в шаль. Он

весь дрожал от страха, руки его тряслись так, точно его била лихорадка, он то и дело озирался по сторонам маленькими карими блестящими глазками, он походил на мышку, боязливо выглядывающую из норки. Меня самого продрал озноб, когда я подумал, что этот человечек сейчас умрёт. Но я вспомнил про сокровища, и сердце моё стало как каменное. Увидев моё светлое лицо, толстяк радостно закудахтал и бросился ко мне.

— Я ищу вашей защиты, сагиб, — задыхался он. — Я несчастный купец Ахмет. Чтобы добраться до надёжных стен Агрской крепости, я прошёл по всей Раджпутане. Меня ограбили по дороге, били, издевались надо мной, потому что я друг правительства. Благословенна ночь, которая принесла мне спасение. Мне и моему жалкому имуществу.

— Что у вас в узле? — спросил я.

— Железный сундучок, — ответил он. — А в нём две или три семейные реликвии, не представляющие ни для кого, кроме меня, никакой ценности. Но я не нищий, я награжу тебя, молодой сагиб, и твоего начальника, если ты позволишь мне укрыться за этими стенами.

Я почувствовал, что ещё немного, и я не выдержу. Чем больше я глядел на его жирные,

прыгающие от страха щёки, тем более чудовищным казалось мне это хладнокровно обдуманное убийство. Скорее бы уж всё кончалось.

— Отведите его в центральный форт, — приказал я.

Двое сикхов пошли по бокам, третий сзади. Все четверо медленно удалялись по коридору. Несчастный купец оказался буквально бок о бок со смертью. Я со своим фонарём остался у входа.

Я слышал, как мерные звуки их шагов разносились под пустынными гулкими сводами коридоров. Вдруг шаги замолкли. Раздались голоса, шум драки, удары. А минуту спустя я, к своему ужасу, услыхал дробный стук шагов и тяжёлое дыхание бегущего в мою сторону человека. Я осветил фонарём длинный прямой коридор и увидел толстяка с залитым кровью лицом. Он мчался что было духу ко мне, а за ним по пятам тигриными прыжками нёсся огромный чернобородый сикх, и в его руке блестел нож. Я никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали, как этот маленький торговец. Ему оставалось только пробежать мимо меня и выскочить на улицу. Там он был бы спасён. Мне опять на какую-то долю секунды стало жалко его, но я вспомнил о сокровищах и опять ожесточился. Когда он поравнялся со мной, я бро-

сил ему в ноги ружьё, и он упал, перевернувшись два раза через голову, как подстреленный заяц. Он не успел вскочить на ноги — сикх был уже на нём и дважды ударил его ножом в бок. Ахмет не дрогнул, не издал стона, а так и остался лежать, где упал. По-моему, он, когда падал, сломал шею. Как видите, джентльмены, я держу обещание и рассказываю всё как есть, не заботясь, какое это производит на вас впечатление.

Он остановился и протянул свои скованные наручниками руки к стакану виски с содовой, приготовленному для него Холмсом. Я посмотрел на него и почувствовал, что содрогаюсь от ужаса, и не только потому, что он был участником этого коварного убийства: меня потрясло, как легко и даже цинично он об этом рассказывал. Какое бы ни уготовано ему наказание, мне не жаль его. Шерлок Холмс и Джонс оба сидели молча, сложив руки на коленях, на их лицах было написано отвращение. Он, очевидно, заметил это, потому что, когда он снова заговорил, в его голосе послышался вызов.

— Всё это, конечно, очень плохо, — сказал он. — Но я бы хотел знать, много ли найдётся людей, которые, оказавшись на моём месте, вели бы себя по-другому, то есть отказались бы от богатства,

зная, что за их доброту им перережут глотку. К тому же, когда Ахмет вступил в крепость, дело уже пошло так — он или я. Если бы он убежал, всё открылось бы, меня судили бы военно-полевым судом и расстреляли, потому что в такие времена рассчитывать на снисходительность не приходится.

— Продолжайте, — коротко приказал Холмс.

— Так вот, мы втроём, Абдулла, Акбар и я, втащили его в крепость. Хотя он был коротышка, но руки нам оттянул. Мохаммед Сингх остался караулить вход. Сикхи ещё раньше присмотрели место, где его можно было спрятать. Галерея со многими поворотами привела нас в большой, пустой зал, кирпичные стены которого постепенно разрушались. Земляной пол в одном месте осел и треснул, образовав естественную могилу. Здесь мы и похоронили купца Ахмета, заложив могилу кирпичами, выпавшими из стен. Покончив с Ахметом, мы вернулись к сундучку с сокровищами.

Он остался там, где Ахмет уронил его, когда сикхи первый раз на него напали. Это был тот самый сундук, который стоит сейчас на столе перед вами. К резной ручке на крышке был привязан шёлковым шнуром ключ. Мы открыли его, и в свете фонаря заблестели, заиграли драгоцен-

ные камни, о каких я читал в приключенческих книгах и мечтал мальчишкой в Першоре. От их блеска можно было ослепнуть. Насытившись этим великолепным зрелищем, мы выложили драгоценности и стали считать их. Там было сто сорок три бриллианта чистой воды, и среди них знаменитый «Великий Могол», по-моему, он именно так называется. Говорят, что это второй камень в мире по величине. Затем там было девяносто очень красивых изумрудов, сто семьдесят рубинов, правда, много мелких. Ещё там было сорок карбункулов, двести десять сапфиров, шестьдесят один агат и несчётное количество бериллов, ониксов, кошачьего глаза, бирюзы и ещё много других камней, чьи названия я тогда не знал. Теперь я знаком с камнями гораздо лучше, чем раньше. Ещё там был жемчуг — около трёхсот превосходных жемчужин, двенадцать из них снизаны в чётки.

Между прочим, эти чётки исчезли из сундука. Их там не было, когда я недавно открывал его.

Сосчитав наши сокровища, мы уложили их

обратно в сундук и понесли показать их Мохаммеду Сингху. Затем мы ещё раз торжественно поклялись, что никогда не предадим друг друга и будем верно хранить нашу тайну. Мы решили поделить сокровища, когда в стране воцарится мир, а пока спрятать сундук в надёжное место. Делить их сейчас не было смысла: если у нас увидят такие драгоценности, это вызовет подозрения. В крепости все жили тесно, так что спрятать их от постороннего глаза не было никакой возможности. Поэтому мы отнесли сундук в тот самый зал, где лежал Ахмет, и в одной из стен, уцелевшей лучше других, мы замуровали наши сокровища. Мы хорошо запомнили место, а на следующий день я нарисовал четыре плана и на каждом написал внизу «знак четырёх», ибо мы все четверо были связаны нерушимой клятвой. И я клянусь вам положа руку на сердце, что никогда не изменял ей.

Мне не надо рассказывать вам, джентльмены, чем закончилось восстание. После того как Уилсон взял Дели, а сэр Колин освободил Лакхнау, дело восставших было проиграно. Подоспели свежие английские части, и сам Нана Сагиб бежал за границу. Летучие отряды полковника Грейтхеда окружили Агру и выгнали из города всех мятеж-

ников. Мир наконец водворился в стране, и мы четверо стали уже надеяться, что не за горами день, когда мы сумеем незаметно вынести из крепости свои сокровища. Но нашим надеждам не суждено было сбыться — нас арестовали как убийц Ахмета.

А произошло вот что. Когда раджа поручил драгоценности Ахмету, он сделал это потому, что доверял ему. Но люди на востоке подозрительны, поэтому раджа вслед за Ахметом отправил второго слугу, которому он доверял больше, чем Ахмету. Этому второму он приказал ни на секунду не выпускать из вида Ахмета, и тот всюду следовал за ним как тень. В ту роковую ночь он шёл за Ахметом до самых дверей и видел, как его впустили в крепость. Он не сомневался, что Ахмету дали убежище, и на другой день сам отправился туда. Но Ахмета он там не встретил. Это насторожило его, и он заявил об исчезновении Ахмета сержанту охраны, а тот доложил начальнику. Немедленно организовали поиски, и тело Ахмета очень скоро нашли. Мы были уверены, что начисто замели следы, и тешили себя радужными мечтами, как вдруг нас всех четверых арестовывают и обвиняют в убийстве Ахмета. Трое из нас стояли в ту ночь на страже у юго-за-

падной двери, а четвёртый, как стало известно, путешествовал вместе с убитым. О драгоценностях на суде не было сказано ни слова, потому что раджу лишили княжеского престола и изгнали из Индии. Обстоятельства дела были очень быстро расследованы, и суд предъявил нам обвинение в убийстве. Сикхи были присуждены к пожизненной каторге, а я к смертной казни, которая позже была заменена каторгой на тот же срок.

Мы очутились в дурацком положении. Сидеть под замком, не имея никакой надежды выйти на свободу, и знать, что обладаешь тайной, которая могла бы так высоко вознести тебя, — это было невыносимо. Сносить издёвку и побои надзирателей, есть один рис и пить воду, когда на воле тебя ждёт сказочное богатство, — можно было сойти с ума или наложить на себя руки, но я всегда был упрямым малым, и, скрепив сердце, я стал ждать своего часа.

И вот, как мне показалось, он пробил. Из Агры нас перевели в Мадрас, а оттуда на Андаманские острова в Порт-Блэр. В новой тюрьме было очень мало белых, а так как я сразу стал примерно вести себя, то скоро оказался на привилегированном положении. Мне дали в Хоптауне маленькую хижину. Хоптаун — это небольшое селение, рас-

кинувшееся на склонах горы Харриет, и у меня даже появилось время, когда я был предоставлен самому себе. Место было отвратительное, заражённое лихорадкой; на островах, за оградой наших каторжных поселений, жили каннибальские племена. Их развлечением было при всяком удобном случае стрелять в заключённых своими ядовитыми колючками. Мы рыли землю, проводили канализацию, работали на бататовых плантациях, и было ещё много других работ, так что весь день у нас был занят, зато вечер принадлежал нам. Я научился, помимо всего прочего, готовить для нашего врача лекарства и старался усвоить кое-что из его науки. И всё время я был начеку — не подвернётся ли случай бежать. Но Андаманские острова находятся на расстоянии сотен миль от ближайшей земли, а в морях под теми широтами ветер очень слабый или совсем не дует. Так что бежать оттуда — дело невероятно трудное.

Доктор Соммертон был молодой человек, весёлый и общительный. Офицеры помоложе собирались по вечерам у него в комнате и играли в карты. Его приёмная, где я обычно готовил лекарства, примыкала к гостиной, и между комнатами в стене было маленькое окошко. Часто, когда мне

было особенно тоскливо и одиноко, я гасил лампу в приёмной и стоял там, наблюдая через окошко игру и слушая их разговоры. Я люблю играть в карты, и это было почти всё равно что играть самому. Там обычно собирались майор Шолто, капитан Морстен и лейтенант Бромли Браун, начальник тюремной охраны из туземцев, сам доктор и двое или трое тюремных чиновников, старых, опытных игроков, которые вели умную и беспроигрышную игру. Компания собиралась дружная.

Скоро я обратил внимание, что военные всегда проигрывали, а чиновники выигрывали. Я не говорю, что они играли нечестно, нет. Но так уж получалось. Эти тюремные крысы, попав на Андаманские острова, никогда ничем, кроме карт, не занимались, они хорошо знали привычки своих партнёров и играли серьёзно, а военные садились за карты только затем, чтобы провести время. От вечера к вечеру военные всё больше проигрывали, а проигрывая, всё больше хотели отыграться. Хуже всех приходилось майору Шолто. Сперва он платил проигрыш наличными — золотом и банкнотами, потом стал давать расписки на очень крупные суммы. Иногда он немного выигрывал, я думаю, это делалось нарочно, чтобы подбодрить

его. А затем неудачи снова начинали преследовать его с ещё большим ожесточением. Целыми днями он ходил мрачный как туча и даже стал выпивать в ущерб здоровью.

Однажды он сильно проигрался. Я сидел в своей хижине, когда майор с капитаном Морстеном, пошатываясь, возвращался домой. Они были большие друзья и никогда не разлучались. Майор сокрушался из-за своих проигрышей.

— Всё кончено, Морстен, — сказал он. — Я погибший человек. Мне ничего не остаётся, как подать в отставку.

— Глупости, старина! — воскликнул капитан, хлопая приятеля по плечу. — Я сам в не менее затруднительном положении, но…

Вот всё, что я услышал тогда, но слова майора заставили меня призадуматься.

R.G.

Дня через два я увидел, как майор Шолто медленно брёл по берегу, и решил поговорить с ним.

— Мне надо посоветоваться с вами, майор, — сказал я.

— Слушаю тебя, Смолл. В чём дело? — ответил он, вынимая изо рта сигару.

— Вы не знаете, — начал я, — какому официальному лицу я должен сообщить о спрятанных сокровищах? Мне известно, где лежат полмиллиона фунтов, а поскольку я сам не могу ими воспользоваться, то я подумал, не лучше ли передать их властям? Может, мне за это сократят срок.

— Ты говоришь, Смолл, полмиллиона? — У майора даже дыхание спёрло, и он пристально посмотрел на меня, чтобы понять, говорю ли я серьёзно.

— Да, в драгоценных камнях и жемчуге. Они лежат там себе и лежат. И никто о них не знает. Их владелец — каторжник, вне закона. Так что фактически они принадлежат первому, кто их найдёт.

— Они принадлежат правительству, Смолл, — проговорил майор изменившимся голосом, — правительству, и никому больше.

Но он сказал это так неуверенно, запинаясь,

что я понял, что майор попался на удочку.

— Так вы мне советуете, сэр, заявить о драгоценностях генерал-губернатору? — сказал я, прикидываясь простаком.

— Не надо торопиться, Смолл, чтобы потом не пришлось жалеть. Расскажи мне об этом подробно. Чтобы дать правильный совет, я должен знать всё.

Я рассказал ему всю историю с некоторыми изменениями, чтобы он не догадался, где это произошло. Когда я кончил, он долго стоял, как в столбняке, и думал. По движению его губ я понял, какая в нём происходит борьба.

— Это очень важное дело, Смолл, — сказал он наконец. — Никому о нём ни слова. Я скоро ещё приду к тебе. И тогда мы поговорим.

Он пришёл ко мне через два дня поздней ночью вместе с капитаном Морстеном.

— Я бы хотел, Смолл, чтобы капитан Морстен послушал эту историю из твоих уст, — сказал майор.

Я повторил слово в слово, что рассказывал майору.

— Звучит правдиво, а? — спросил он капитана. — Я бы, пожалуй, поверил.

Капитан Морстен, ничего не сказав, кивнул.

— Послушай, Смолл, — начал майор. — Мы с капитаном всё обсудили и пришли к выводу, что генерал-губернатор здесь ни при чём. Это твоё личное дело, и ты волен поступать, как сочтешь нужным. Но я хотел бы вот что спросить у тебя, какую цену ты предложил бы за свои сокровища? Мы могли бы съездить за ними или, по крайней мере, позаботиться об их сохранности. Если, конечно, договоримся об условиях.

Он говорил холодным, безразличным тоном, но глаза его блестели волнением и алчностью.

— Видите ли, джентльмены, — отвечал я, стараясь тоже говорить спокойно, но чувствуя при этом не меньшее волнение. — Человеку в моём положении нужно одно — свобода. Это и есть моё условие: свобода мне и моим друзьям. Тогда мы примем вас в долю и разделим сокровища на пять равных частей. Вы двое получите пятую часть.

— Хм, пятую? — проговорил майор. — Это немного.

— Пятьдесят тысяч фунтов на одного, — сказал я.

— Но как мы можем освободить вас? Ты же знаешь хорошо, что требуешь невозможного.

— Ничего подобного, — ответил я. — Всё продумано до мельчайших подробностей. Побегу

мешает только одно — нет лодки, годной для дальнего перехода, и пищи, которой бы хватило на несколько дней. В Калькутте или в Мадрасе легко найти подходящую лодку. Вы доставите её сюда. Мы ночью погрузимся, и, если вы переправите нас в любое место на индийском побережье, считайте, что вы свою долю заработали.

— Если бы ты был один, — заметил майор.

— Все четверо или никто, — сказал я. — Мы поклялись стоять друг за друга и всегда действовать вместе.

— Видите, Морстен, — сказал майор. — Смолл — хозяин своего слова. Он не бросает друзей. Я думаю, мы можем на него положиться.

— Грязное это дело, — сказал капитан. — Но вы правы, деньги спасут нашу офицерскую честь.

— Хорошо, Смолл, — сказал майор. — Мы постараемся сделать, что ты просишь. Но сперва, разумеется, мы должны убедиться, что рассказанное тобой не выдумка. Скажи мне, где спрятаны сокровища. Я возьму месячный отпуск и на провиантском судне уеду в Индию.

— Подождите, подождите, — сказал я, становясь спокойнее, чем больше он волновался. — Я должен иметь согласие моих друзей. Я же сказал вам: все четверо или никто.

— Глупости! — воскликнул майор. — Какое отношение эти черноглазые имеют к нашему джентльменскому соглашению.

— Чёрные или зелёные, — сказал я, — но они мои друзья, и мы поклялись никогда не бросать друг друга.

Дело было окончательно улажено на втором свидании, в присутствии Мохаммеда Сингха, Абдуллы Хана и Доста Акбара. Мы ещё раз всё обсудили и решили следующее: мы даём и майору Шолто, и капитану Морстену план той части Агрской крепости, где спрятаны сокровища. Майор Шолто едет в Индию убедиться в правильности моего рассказа. Если сундук на месте, он покупает маленькую яхту и продовольствие и плывёт к острову Ратленду, где мы его будем ждать. Затем возвращается к своим обязанностям. Немного погодя в отпуск едет капитан Морстен. Мы встречаем его в Агре и делим сокровища. Он забирает свою часть и часть майора и едет обратно на Андаманские острова. Приняв такой план, мы поклялись не нарушать его под страхом вечных мук. Я всю ночь просидел с бумагой и чернилами, и к утру были готовы два плана, подписанные «знаком четырёх», то есть Абдуллой, Акбаром, Мохаммедом и мной.

Но я, кажется, утомил вас, джентльмены, длинным рассказом, а моему другу мистеру Джонсу, как я вижу, не терпится упрятать меня за решётку. Постараюсь быть краток. Майор Шолто уехал в Индию и никогда больше не возвращался на Андаманские острова. Капитан Морстен вскорости показал мне его имя в списке пассажиров пакетбота, ушедшего в Англию. Оказалось, что у него умер дядюшка, оставив ему наследство, и он подал в отставку. Он думал, что никогда больше не увидит нас. Ведь он совершил такую подлость — предал всех нас, и в том числе своего друга. Морстен вскоре после этого ездил в Индию и, конечно, сундука в тайнике не нашёл, негодяй похитил его, не выполнив условий, на которых мы открыли ему тайну. С того самого дня я живу только мщением. Я думал об этом и днём и ночью. Отомстить Шолто стало для меня единственной, всепоглощающей страстью. Я ничего не боялся — ни суда, ни виселицы. Бежать во что бы то ни стало, найти Шолто, перерезать ему глотку своей рукой — вот о чём я мечтал. Даже сокровища Агры и те померкли перед сладостной картиной расправы с Шолто.

Я многое замышлял в этой жизни, и всегда мне всё удавалось. Но прошло ещё много унылых, од-

нообразных лет, прежде чем судьба улыбнулась мне. Я уже говорил вам, что набрался кое-чего по медицинской части. Однажды, когда доктор Соммертон лежал в приступе малярии, заключённые подобрали в лесу крошечного туземца. Он был смертельно болен и ушёл умирать в лес. Я взял его на руки, хотя он, как змеёныш, источал злобу. Я лечил его два месяца и, представьте, поставил его на ноги. Он сильно привязался ко мне и, по-видимому, не стремился возвращаться в леса, потому что день-деньской слонялся возле моей хижины. Я выучил у него несколько слов его языка, чем ещё сильнее привязал его. Тонга, как его звали, был отличным мореходом. У него было большое, просторное каноэ. Когда я увидел, как он привязан ко мне и что готов для меня на всё, я стал серьёзно помышлять о побеге. Мы придумали с ним такой план. Он должен был ночью пригнать свою лодку к старой, заброшенной пристани, которая не охранялась, и там подобрать меня. Я велел ему взять с собой несколько бутылей из тыкв с пресной водой, побольше бататов, кокосовых орехов и сладкого картофеля.

Маленький Тонга был верный, надёжный друг. Ни у кого никогда не было и не будет таких друзей. Ночью, как мы условились, он пригнал лодку

к пристани. Но так случилось, что в ту ночь поставили караульного — одного афганца, который никогда не упускал случая оскорбить или ударить меня. Я давно поклялся отомстить ему, и вот этот час настал. Судьба нарочно столкнула нас в последние минуты моей жизни на острове, чтобы я мог с ним расквитаться. Он стоял на берегу ко мне спиной, с карабином через плечо. Я поискал вокруг камень, которым я мог бы вышибить ему мозги, но не нашёл. Тогда мне в голову пришла дикая мысль, я понял, что должно быть моим оружием. Я сел в темноте на землю и отвязал свою деревянную ногу. Сделав три больших прыжка, я напал на него. Он успел приложить карабин к плечу, но я размахнулся деревяшкой и размозжил ему череп. На моей деревяшке осталась выбоина в том месте, которым я нанёс удар. Мы оба упали, потому что я не мог удержать равновесия. Я поднялся и увидел, что он лежит без движения. Я поспешил к лодке, и через час мы были уже далеко в море. Тонга захватил все свои пожитки, всё оружие и всех богов. Среди прочих вещей я нашёл у него длинное бамбуковое копьё и несколько циновок, сплетённых из листьев кокосовой пальмы, из которых и сделал какое-то подобие паруса. Десять дней мы носились по

морю, на одиннадцатый нас подобрало торговое судно, идущее из Сингапура в Джидду с грузом паломников из Малайи. Это была пёстрая компания, и мы с Тонгой скоро среди них затерялись. У них было одно очень хорошее качество — они не задавали вопросов.

Если я стану рассказывать все приключения, какие пришлось пережить мне и моему маленькому приятелю, вы не поблагодарите меня, потому что я не кончу до рассвета. Куда только не бросала нас судьба! Но вот в Лондон мы никак не могли попасть. И всё время скитаний я не забывал главной цели. Я видел Шолто по ночам во сне. Тысячу раз ночью во сне я убивал его. Наконец, года три или четыре назад мы очутились в Англии. Мне было нетрудно узнать, где живёт Шолто. Затем я принялся выяснять, что сталось с сокровищами. Я свёл дружбу с одним из его домочадцев. Не стану называть имени, не хочу, чтобы кто-нибудь ещё гнил в тюрьме. Я скоро узнал, что сокровища целы и находятся у Шолто. Тогда я стал думать, как напасть на него. Но Шолто был хитёр. В качестве привратников он всегда держал двух профессиональных боксёров, и при нём всегда были его сыновья и слуга-индус.

И вот я узнаю, что он при смерти. Как безум-

ный бросился я в Пондишери-Лодж: неужели он ускользнёт от меня таким образом? Я пробрался в сад и заглянул к нему в окно. Он лежал на своей постели, слева и справа стояли оба его сына. Я дошёл до того, что чуть не бросился на всех троих, но тут я взглянул на него — он увидел меня в окне, челюсть у него отпала, и я понял, что для майора Шолто всё на этом свете кончено. В ту же ночь я всё-таки влез к нему в спальню и перерыл все бумаги — я искал какого-нибудь указания, куда он спрятал наши сокровища. Но я ничего не нашёл. И тут мне пришла в голову мысль, что, если я когда-нибудь встречусь с моими друзьями-сикхами, им будет приятно узнать, что мне удалось оставить в комнате майора свидетельство нашей ненависти. И я написал на клочке бумаги «знак четырёх», как было на наших картах, и приколол бумагу на грудь покойного. Пусть он и в могиле помнит о тех четверых, которых он обманул и ограбил.

На жизнь мы зарабатывали тем, что ходили по ярмаркам и бедный Тонга за деньги показывал себя. Чёрный каннибал, он ел перед публикой сырое мясо и плясал свои воинственные пляски. Так что к концу дня у нас всегда набиралась целая шапка монет. Я по-прежнему держал связь с

Пондишери-Лодж, но никаких новостей оттуда не было. Я знал только, что его сыновья продолжают поиски. Наконец пришло известие, которого мы так долго ждали. Сокровища нашлись. Они оказались на чердаке, над потолком химической лаборатории Бартоломью Шолто. Я немедленно прибыл на место и всё осмотрел. Я понял, что с моей ногой мне туда не забраться. Я узнал, однако, о слуховом окне на крыше, а также о том, что ужинает мистер Шолто внизу. И я подумал, что с помощью Тонги всё будет очень легко сделать. Я взял его с собой и обвязал вокруг пояса верёвкой, которую мы предусмотрительно захватили. Тонга лазал, как кошка, и очень скоро он оказался на крыше. Но, на беду, мистер Бартоломью Шолто ещё был в кабинете, и это стоило ему жизни. Тонга думал, что поступил очень хорошо, убив его. Когда я влез по верёвке в комнату, он расхаживал гордый, как петух. И очень удивился, когда я назвал его кровожадным дьяволом и стал бить свободным концом верёвки. Потом я взял сундук с сокровищами и спустил его вниз, затем и сам спустился, написав на бумажке «знак четырёх» и оставив её на столе. Я хотел показать, что драгоценности наконец вернулись к тем, кому они принадлежат по праву. Тонга вытянул

верёвку, запер окно и ушёл через крышу, так же, как и пришёл.

Не знаю, что ещё прибавить к моему рассказу. Я слыхал, как какой-то лодочник хвалил за быстроходность катер Смита «Аврору». И я подумал, что это именно то, что нам нужно. Я договорился со старшим Смитом, нанял катер и пообещал ему хорошо заплатить, если он доставит нас в целости и сохранности на корабль, уходивший в Бразилию. Он, конечно, догадывался, что дело нечисто, но в тайну норвудского убийства посвящён не был. Всё, что я рассказал вам, джентльмены, — истинная правда, и сделал я это не для того, чтобы развлечь вас: вы мне оказали плохую услугу, — а потому, что моё единственное спасение — рассказать всё в точности, как было, чтобы весь мир знал, как обманул меня майор Шолто и что я абсолютно неповинен в смерти его сына.

— Замечательная история, — сказал Шерлок Холмс. — Вполне достойный финал для не менее замечательного дела. Во второй половине вашего рассказа для меня нет ничего нового, кроме разве того, что верёвку вы принесли с собой. Этого я не знал. Между прочим, я считал, что Тонга потерял все свои колючки. А он выстрелил в нас ещё одной.

— Той, что оставалась в трубке. Остальные он потерял.

— Понятно, — сказал Холмс. — Как это мне не пришло в голову.

— Есть ещё какие-нибудь вопросы? — любезно спросил наш пленник.

— Нет, спасибо, больше нет, — ответил мой друг.

— Послушайте, Холмс, — сказал Этелни Джонс, — вы человек, которого должно ублажать. Всем известно, что по части раскрытия преступлений равного вам нет. Но долг есть долг, а я уж и так сколько допустил нарушений порядка, ублажая вас и вашего друга. Мне будет куда спокойнее, если я водворю нашего рассказчика в надёжное место. Кэб ещё ждёт, а внизу сидят два полисмена. Очень обязан вам и вашему другу за помощь. Само собой разумеется, ваше присутствие на суде необходимо. Покойной ночи.

— Покойной ночи, джентльмены, — сказал Смолл.

— Ты первый, Смолл, — проговорил предусмотрительно Джонс, когда они выходили из комнаты. — Я не хочу, чтобы ты огрел меня по голове своей деревяшкой, как ты это сделал на Андаманских островах.

— Вот и конец нашей маленькой драме, — сказал я, после того как мы несколько времени молча

курили. — Боюсь, Холмс, что это в последний раз я имел возможность изучать ваш метод. Мисс Морстен оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Холмс издал вопль отчаяния.

— Я так боялся этого! — сказал он. — Нет, я не могу вас поздравить.

— Вам не нравится мой выбор? — спросил я, слегка уязвлённый.

— Нравится. Должен сказать, что мисс Морстен — очаровательная девушка и могла бы быть настоящим помощником в наших делах. У неё, бесспорно, есть для этого данные. Вы обратили внимание, что она в первый же день привезла нам из всех бумаг отца не что иное, как план Агрской крепости. Но любовь — вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму. А разум я, как известно, ставлю превыше всего. Что касается меня, то я никогда не женюсь, чтобы не потерять ясности рассудка.

— Надеюсь, — сказал я, смеясь, — что мой ум выдержит это испытание. Но у вас, Холмс, опять очень утомлённый вид.

— Да, начинается реакция. Теперь я всю неделю буду как выжатый лимон.

— Как странно у вас чередуются периоды того, что я, говоря о другом человеке, назвал бы ленью, с периодами, полными самой активной и напряжённой деятельности.

— Да, — сказал он, — во мне заложены качества и великого лентяя, и отъявленного драчуна. Я часто вспоминаю слова Гёте: «Schade, dass die Natur nur einen Menschen aus dir schuf, denn zum würdigen Mann war und zum Schelmen der Stoff»[5]. Между прочим, — возвращаясь к норвудскому делу, — у них, как я и предполагал, в доме действительно был помощник. И это не кто иной, как дворецкий Лал Рао. Итак, Джонсу всё-таки принадлежит честь поимки одной крупной рыбы.

— Как несправедливо распределился выигрыш! — заметил я. — Всё в этом деле сделано вами. Но жену получил я. А слава вся достанется Джонсу. Что же остаётся вам?

— Мне? — сказал Холмс. — А мне — ампула с кокаином.

И он протянул свою узкую белую руку к несессеру.

---

[5] Примечания: 5

«Как жаль, что природа сделала из тебя одного человека: материала в тебе хватило бы и на праведника, и на подлеца» (*нем.*).